

BOOKTRAN

БРАЙАН
МАККЛЕЛЛАН

БЕШЕННЫЕ УЛАНЫ

ПОРОХОВОЙ МАГ. ПОВЕСТИ

Колониальные города и селения Фатрасты никогда не знали мира. Герой войны Бен Стайк командует гарнизоном сонного провинциального городка. Однажды здесь останавливается переночевать брат губернатора с отрядом кезанских солдат, и Стайку приходится поднять оружие на защиту местных жителей.

Действие повести разворачивается за двенадцать лет до событий второй трилогии «Грехи империи» из вселенной пороховых магов.

Информация о переводчиках

Перевод и редакция: zhuzh, Anahitta, marmax, boHyc, anisette

Локализация обложки: zhuzh

Booktran, 2022 г.

Если вы хотите отблагодарить переводчиков и поддержать проект, добро пожаловать на <http://www.booktran.ru>.

Брайан Макклеллан

«Бешеные уланы»

На мертвом дереве над пыльной дорогой на окраине Фернхоллоу болтался раздувшийся от липкой жары труп. Мрачное зрелище портило в остальном живописную пастораль, и майору Бену Стайку потребовалась лишь пара мгновений, чтобы представить подобный пейзаж – разумеется, без трупа – на картине в коллекции какого-нибудь чванливого аристократа.

Стайк не сводил глаз с тела, тихо напевая под нос гимн уланов. Он узнал мертвеца, даже в рваной одежде и без выклеванных вороньем глаз, – Дейвен же Крос, кезанский сборщик налогов. Из-за побоев выходной костюм Кроса превратился в лохмотья, а плоть – в кровавое месиво, отчего бедолага, вероятно, и скончался.

Боевой конь Стайка, Дешнар, не впечатлившись запахом дерьма и гниющей плоти, нетерпеливо переступил на месте. Стайк рассеянно похлопал его по боку. Не считая кружащих над головой ворон, больше здесь никого не было. Видимо, слух о расправе над сборщиком налогов распространился задолго до того, как он наткнулся на труп. Сегодня никто из местных этой дорогой не поедет.

Кто же это сделал? Кучка пьяниц, возвращавшихся домой из кабака? Шайка, организованная не слишком щепетильными городскими старейшинами? Семья какого-нибудь несчастного, который недавно оказался на улице из-за Кроса?

Как гласит старая поговорка, хочешь найти врагов сборщика налогов – просто загляни в последнюю городскую перепись. Но здесь, в Фатрасте – полудиком фронтире, где переселенцы из десятка стран живут под властью почти исключительно Кеза, смерть сборщика налогов грозит серьезными последствиями. Кезанцы управляют колонией в лучшем случае неумело, а в худшем – жестоко, и по мере роста налогов и снижения уровня жизни народ озлобляется все больше.

Стайк чуял, что надвигается кризис: в Малой Старле ввели комендантский час, на недовольных властью богачей Нового Адро наложили неподъемные поборы, кезанские солдаты ежедневно прибывали во все портовые города страны. Репрессии короля Кеза раздували пламя недовольства. Но все это большая политика. Стайку нет в ней места, и он надеялся что до Фернхоллоу ее щупальца не дотянутся.

– Не дотянутся... – прошептал он себе под нос, краем глаза заметив движение.

Чуть дальше по дороге из-за ив показались всадники. Их было четверо, и даже на таком расстоянии виднелись развевающийся над знаменосцем зелено-коричневый флаг и такого же цвета мундиры.

Кезанские солдаты. Стайк было подумал, не их ли это рук дело, но тут же отверг эту мысль. Скорее всего, они едут из соседнего городка через Фернхоллоу в столицу. Кроме того, это кезанцы. В отличие от всех остальных, они платят не такие высокие налоги, а значит, до сборщика налогов им нет особого дела.

Стайк цокнул языком.

– Дешнар.

Направив коня к телу и привстав в стременах, он вытащил большой боз-нож и попытался дотянуться до веревки, захлестнувшей шею Кроса.

Безуспешно.

Стайк привязал Дешнара к ближайшему кусту и вернулся к дереву, раздумывая, выдержат ли его сухие ветки. В детстве ему нравилось лазать по большим ивам в семейном поместье, но с тех пор он вырос почти до семи футов и весил двадцать два стоуна.

Дешнар скептически фыркнул.

– Ага, – согласился Стайк. – Буду настоящим кретином, если свалюсь с дерева и сверну себе шею.

Он оглянулся на город. Любой из уланов мог бы приехать сюда и все сделать по его приказу. Но это означало оставить тело висеть на глазах проезжающего мимо отряда кезанцев. Само собой, они его уже заметили, но просто бросить все и уехать – все равно что напротиться на неприятности. Стайк снял ярко-желтый кавалерийский мундир, какие носили в колониальной армии, и полез на дерево.

– Поскачем, уланы, вперед, напролом, – тихо напевал он, потянувшись к следующей ветке мертвого дерева. – В просторе мы время назад развернем. Нам сладок копыт стук и отблеск клинка. Сломаем копьё, круша кости врага. Развеем их души, втоптав в чернозем. Поскачем, уланы, вперед, напролом.

К тому времени, как кезанцы подъехали на расстояние окрика, он успел перерезать веревку – тело упало с глухим стуком, – вернуться на землю и прикрыть труп Кроса куском холста из седельной сумки.

От всадников отделились двое и остановились всего в нескольких шагах от Дешнара. Стальные, начищенные до блеска нагрудники слепили глаза на утреннем солнце. Вооруженные тяжелыми кавалерийскими саблями и карабинами кезанцы держались напряженно и формально. По опыту Стайка, кирасиры предпочитали браво преследовать разрозненных застрельщиков в одиночку. Настоящую военную работу они не любили.

Он отряхнул ладони и глянул на их лацканы. Мужчина, молодой и узколицый, лет девятнадцати-двадцати, с бакенбардами, опущенными, чтобы казаться старше, – в звании капитана. Женщина лет двадцати пяти, с темно-русыми, стриженными по плечи волосами – сержант. Она смотрела на Стайка сверху вниз с раздражительностью и пренебрежением, с какими большинство людей относятся разве что к свиньям в грязи.

– Во имя Кресимира, здоровенный же сукин сын, – сказала сержант, оглядывая Стайка с головы до ног.

Стайк уставился на нее в ответ, не слишком впечатлившись. Женщина была довольно статной, но не тянула на кирасира телосложением. В тяжелой кавалерии важна сила, чтобы как следует размахнуться саблей, и вес, чтобы нанести мощный удар. А в ее начищенной кирасе еще ни разу не отражалось поле битвы.

– Видала я здоровяков, капитан, – продолжала она, – но чтобы таких огромных – никогда.

Сержант казалась по-настоящему озадаченной, будто впервые увидела болотного дракона и не могла понять, что за тварь перед ней.

– Чем могу помочь? – спросил Стайк.

Сержант вздрогнула, словно удивившись, что он умеет говорить. Она ожгла его хмурым взглядом и рявкнула:

– Для начала попробуй отдать честь, солдат. Перед тобой капитан непревзойденных воинов его величества.

Она оглянулась через плечо на своего капитана, который держался в нескольких футах позади.

– Во имя Кресимира, сэр, не могу представить, что за командир позволяет такое нарушение дисциплины. Говорю вам, будь моя воля, здесь все было бы иначе. Проклятые колонисты все одинаковые.

Не сдержавшись, Стайк фыркнул от смеха.

– В чем дело, солдат? Поделись, что тебя так развеселило. Ты отдашь честь, и сделаешь это прямо сейчас, не то, Кресимир свидетель, я отволоку тебя к тому, кто здесь командует, и прослежу, чтобы тебе всю неделю давали по пять плетей каждое утро.

Стайк открыл было рот, но прежде чем успел произнести хоть слово, капитан тронул поводья и подъехал к сержанту.

– Сержант Грейсли, остыньте.

– Простите, сэр, но я не потерплю насмешек над армией его величества от простого колониста.

– Сержант, этот колонист семи футов ростом.

– Мои извинения, сэр, но мне все равно, какого он роста, если он...

– Сержант!

– Сэр?

– Вы же видите его мундир на седле? Видите лацканы? Он улан.

– А какая разница, сэр?

– Прикиньте, кто из колонистов-уланов таких габаритов? Может, тот самый, который прославился в битве за форт Керлин тем, что в одиночку разбил роту элитных старлийских гренадеров?

Сержант на несколько мгновений разинула рот. На ее лице отразились мучительные умственные вычисления. Захлопнув рот, она нахмурилась, а затем, похоже, оценила Стайка заново.

Стайк сдернул мундир с луки седла и накинул на плечи так, чтобы был виден лацкан с серебряной пикой, указывающей на чин майора. Формально он превосходил по званию их обоих. Но кезанец любого ранга всегда важнее колониста.

Грейсли закусил губу и выпалила:

– Вы Бен Стайк?

– Майор Бен Стайк, – мягко поправил капитан. – Пусть он колонист, но убил больше вражеских бойцов, чем вы сможете сосчитать, сержант. На его счету гренадеры, линейная пехота и даже избранные. Форт Керлин и большая часть северо-востока Фатрасты принадлежат короне благодаря его героизму.

Побледнев, Грейсли отдала честь.

– Майор Стайк, сэр. Мои извинения.

Закатив глаза, Стайк наклонился, чтобы обернуть тело в холст, в одиночку закинул его на круп Дешнара и начал закреплять, отмахиваясь от мух.

– Не нужно извинений, сержант, – широко ухмыльнулся он. – Себя не изменишь. Вам не повезло вдвойне – вы сержант и кезанка.

Капитан ответил ему неодобрительной, но при этом ироничной улыбкой.

– Майор Стайк, меня зовут Кардин. Я ваш большой почитатель.

Он наклонился в седле и протянул руку.

Не военный салют, но Стайку редко удавалось удостоиться салюта от кезанских офицеров. Сойдет и рукопожатие, решил он.

– Рад знакомству, Кардин.

Он вытер о штаны ладонь, перепачканную липкой жижой с гниющего трупа, и пожал руку Кардину, затем вскочил в седло и направил Дешнара обратно на дорогу. Кардин и Грейсли последовали за ним, присоединившись к своим спутникам, и все пятеро шагом двинулись к Фернхоллоу.

Стайк покосился на поравнявшегося с ним Кардина.

– Майор Стайк, – медленно и вдумчиво произнес кезанский капитан, словно у него было что-то на уме, – вы ведь командуете гарнизоном Фернхоллоу?

– Верно, – отозвался Стайк.

– Скажите честно, как солдат солдату, есть ли в Фернхоллоу какие-нибудь проблемы?

Стайк искоса глянул на него внимательнее. Взгляд Кардина не отрывался от обернутого трупа, перекинутого через круп Дешнара. Капитан явно чувствовал себя не в своей тарелке. Стайку не нужно было уточнять, что он имел в виду. «Проблемы» – слово года по всей Фатрасте. Вспыхивали беспорядки из-за налогов и зерна, бурлил конфликт на фронтире, подспудно нарастало общественное недовольство везде, от неприметнейших салонов до крупнейших городских газет.

Интересно, какова истинная причина любопытства Кардина. Он прибыл, чтобы собрать налоги? Провести инспекцию города? Организовать набор на военную службу? Стайк попытался придумать положительную причину, по которой кезанский офицер стал бы интересоваться захолустным городком, но ничего не вышло.

– Фернхоллоу – городок небольшой. – Стайк потер подбородок. – Всего около тысячи человек, включая пало. Многих я знаю по имени, и среди них только горстка возмутителей спокойствия. Большинство стараются не высовываться.

Кардин задумчиво кивнул.

– Рад это слышать. Майор, я из восьмого кирасирского. Последний год мой эскадрон нес службу в Железногорье, и теперь мы возвращаемся в Лэндфолл. Если вас не затруднит, мне нужно расквартировать людей на ночь. Им нужна нормальная еда и кровати – довольно долго у них не было ни того, ни другого.

– Понятно, – отозвался Стайк.

Он почти ощутил облегчение. Разместить несколько сотен кезанских кирасиров – тот еще геморрой. Кезанские солдаты редко платят по счетам и слишком много пьют, но раз уж это не налоги и не новый призыв, он разберется.

– Фернхоллоу вам слегка не по пути, разве нет?

– Так и есть, – согласился Кардин и, оглянувшись на своих спутников, добавил тише: – У моего командира любовница в Беггарз-Вуде.

Беггарз-Вуд находился милях в пятидесяти к югу от Фернхоллоу. Совсем не по пути. Стайк фыркнул.

– Надолго планируете задержаться?

– Только на ночь. Завтра рано утром выступаем.

Стайк быстро прикинул варианты.

– Хорошо. Я распоряджусь. В городе два постоянных двора и семь кабаков. Добавьте сюда пару десятков домов, и никому из ваших людей не придется спать на голой земле.

Стайку не нравились кезанцы, но он не был сволочью. Год на фронтире, да еще учитывая наверняка доходившие до них слухи о беспорядках, – тяжелое испытание для любого солдата, даже если, судя по кирасам, они и не участвовали в стычках.

Кардин заметно расслабился.

– Спасибо, майор Стайк. Я ваш должник. – Он щелкнул пальцами, и с ним поравнялась Грейсли. – Сержант, сообщите эскадрону, что мы остановимся на ночь в Фернхоллоу. Все должны вести себя безупречно. Передайте майору Просту, что я зарезервирую для него лучшую комнату в городе. Ему это понравится.

Грейсли отсалютовала и, отделившись от отряда, поскакала обратно, а Кардин одарил Стайка благодарной улыбкой.

– Учитывая напряженную ситуацию, меня беспокоил тот крюк, что нам пришлось заложить, возвращаясь с места службы. Но, – вздохнул он, – майор Прост настоял. По крайней мере, он позволил мне тщательно подбирать места для стоянок. Последнее, что мне нужно, это втянуть парней в столкновения.

Стайк кивнул, но мыслями был уже далеко. Он думал о привязанном к седлу трупе и спрашивал себя, кого же повесят за смерть сборщика налогов. Он думал, как разместить и обеспечить всем необходимым несколько сотен лишних солдат в городе.

И еще он думал о майоре Просте. Имя казалось смутно знакомым, что-то свербило на задворках памяти, и Стайку это не нравилось.

Он проводил Кардина до «Урчащей свиньи» – большего из двух постоянных дворов, показал, где дом мэра, после чего отвез тело к гробовщику. Имя Проста беспокоило его всю дорогу до окраины города. На окраине располагался небольшой каменный форт и гораздо более крупные конюшня и казармы, в которых размещался его гарнизон колониальных уланов.

Он оставил Дешнара одному из конюхов и отыскал своего заместителя, капитана Блая – тот пыхтел трубкой в зарослях у реки. Блай был крупным, плотным мужчиной, с широкими плечами и тонкой ухоженной бородкой, которые, как он утверждал, сейчас считались модными в Гурле. Из-за бородки Блай походил на идиота, и Стайк любил напоминать ему об этом при каждом удобном случае.

– Блай, – поприветствовал Стайк.

– Майор. Где пропал все утро? Рези искала тебя повсюду. Говорит, ты уехал, не позавтракав, и она волнуется.

При упоминании Рези на лицо Стайка легла тень улыбки, но он прогнал ее прочь.

– Кто-то убил Кроса, – отозвался он.

Блай вынул трубку изо рта и вскочил.

– Вот дерьмо! Шутишь?

– Отнюдь. Бренд Хиллес обнаружил тело утром, когда пошел проверить коров. Кроса вздернули на старом железном дереве к западу от города. Забили до смерти и оставили воронам.

Блай издал звук, словно его стошнило.

– Бедолага. Есть мысли, кто это сделал?

– До конца недели собираюсь выяснить.

– Помощь нужна?

– Нет, для тебя у меня дерьмо поважнее. В город направляется эскадрон кезанских кирасиров. Ищут место для ночлега. Я пообещал, что мы их примем.

– Само собой пообещал, – проворчал Блай. – Я так понимаю, ты хочешь, чтобы я все устроил.

– Хочу. – Стайк помахал пальцем у Блая перед носом. – А еще я хочу, чтобы наши парни были сегодня настороже, но не выглядели так, будто они настороже. Хочу, чтобы кезанцы уехали из города и забыли о нас к завтрашнему вечеру. Без происшествий. Ясно?

Блай спрятал трубку и бодро отсалютовал.

– Так точно, сэр.

Он направился к форту. Стайк задержал взгляд на реке, страстно желая провести здесь остаток дня. Только он и Рези, овчина, да пара бутылок вина.

Может, на следующей неделе.

– Блай! – крикнул он.

– Сэр?

– Имя Прост тебе о чем-нибудь говорит?

Блай задумчиво постучал по подбородку, затем воздел палец в небо.

– Майор Нонс же Прост?

– Верно.

– Майор Прост – незаконнорожденный брат губернатора. Настоящий сукин сын, если слухи не врут.

Стайк почувствовал, как свело живот. Вот откуда он слышал это имя. Прост считался изгоем даже среди кезанских офицеров – садист и трус, предпочитающий жечь мирные деревни палом, а не сражаться. По общему мнению, под его началом служили в основном воры, головорезы и несколько неудачников, которые попали под горячую руку не тому офицеру.

И Стайк только что пригласил их провести ночь в Фернхоллоу.

***

Последнее, что нужно Стайку – это ссора с кем-то вроде Проста. Стайк прекрасно знал свой вспыльчивый характер, поэтому старался держаться подальше от кезанцев, находя себе занятия на окраинах города. За гостями приглядывали доверенные люди. В тот вечер он трижды справлялся, как идут дела, а затем еще два раза ночью, каждые

несколько часов просыпаясь от беспокойного сна, чтобы обойти посты и перекинуться словом с городской стражей.

До самого рассвета кезанцы горланили песни в «Урчащей свинье», но стражники доложили, что на улицах все мирно и спокойно. Прием гостей прошел успешно, решил Стайк, в последний раз за ночь доползая до постели.

Он проснулся с первыми лучами солнца, скатился с кровати и, упершись в толстые столбики, поддерживающие балдахин, помочился в ночной горшок. Сзади завозилась Рези, и Стайк развернулся к ней. Она уже полусидела в кровати, прикрыв наготу лишь тонкой простыней и склонив голову набок. Коротко остриженные, черные волосы красиво обрамляли поднятую бровь. Ореховая кожа выдавала наполовину деливское происхождение. Сильные руки с выраженными мышцами, длинные ноги и рост в шесть с половиной футов – из нее, бесспорно, вышел бы отличный кирасир.

Будучи младше Стайка на десять лет, Рези в свои двадцать с небольшим уже занимала должность главного констебля Фернхоллоу и могла подкрепить свое право дубинкой лучше, чем большинство профосов. Еще лет десять – и она станет отличным капитаном полиции в Лэндфолле.

Ей не понравилось, что он уходит так рано.

– Перестань дергаться.

– Я не дергаюсь.

Стайк отыскал штаны и принялся одеваться.

– Это просто отряд солдат, – добавила Рези. – За ними присматривают Блай и мои подчиненные. И к обеду их не будет.

– Надеюсь, они уже выезжают из города. Я просто хочу убедиться, что все идет гладко. Где мой мундир?

– Ты оставил его внизу. Возвращайся в постель.

Стайк хмыкнул.

– Я вернусь через час. Не вздумай одеваться и даже двигаться.

– Бездна, я оденусь, если захочу. А ты, если выйдешь за эту дверь, упустишь свой шанс.

Задержавшись на пороге, Стайк посмотрел на нее долгим взглядом.

– Что ты вообще так волнуешься насчет этих кезанцев? – спросила Рези. – Прячься с тех пор, как привез беднягу Кроса. Не подозревала, что Бен Стайк чего-то боится.

– Я не прячусь, – фыркнул Стайк.

– Еще как прячься. Почему?

Он отлип от двери, обогнул кровать и опустился на колени перед Рези. Игриво укусил ее за бедро. Рези от души рассмеялась.

– Ты когда-нибудь слышала о майоре Просте? – спросил он.

– Не припоминаю.

– Кезанский кирасир. Незаконнорожденный брат губернатора.

– О-о-о, – протянула Рези. – Да, доходили слухи. Тот самый, что вырезал Блайнд-Рок, верно?

– Он сжигает деревни, убивает детей, и это сходит ему с рук, – подтвердил Стайк.

Рези посмотрела на него искоса, явно обеспокоенная. Она тоже знала его характер. И понимала, отчего он может сорваться.

– Останься в постели, – тихо повторила она.

Стайк побарабанил пальцами по остову кровати. Несомненно, она права. Идти туда вовсе необязательно. Он начал расстегивать рубашку, собираясь залезть под одеяло, как вдруг в дверь заколотили.

– Стайк! – раздалось с той стороны.

Он открыл. За дверью стоял Фенриал, один из его подчиненных. Лицо парня было белым как мел.

– Сэр, вы должны немедленно пойти со мной.

Стайк переглянулся с Рези. Она сердито посмотрела на него, но все же вылезла из постели и начала одеваться. Стайк кивнул Фенриалу и поспешил за ним.

Оставив за спиной небольшой домик Рези на окраине, они двинулись по сильно вытоптанному, немощеному улочкам. День выдался погожим для фатрастанской весны, дождя не было уже почти неделю. Утреннее солнце припекало, но вполне терпимо, по голубому небу плыли редкие облака. В такую рань им повстречалось лишь несколько фермеров по пути на поля. Они приветствовали Стайка, приподняв шляпы.

Но Стайку было не до них. Он уже слышал гомон на городской площади и вскоре увидел выстроившихся кезанцев – сотни две верховых, явно готовых и горящих желанием выступить. Он пробежал вдоль строя в поисках капитана Кардина, миновав мрачную Грейсли. Она прокричала что-то, но он не расслышал.

Свернув на площадь, он чуть не врезался в толпу из нескольких сотен человек. Притормозил, чтобы оценить обстановку: толпа собралась возле «Урчащей свиньи». Горожане кольцом окружали цепочку кезанцев в форме, и даже за то короткое время, что Стайк наблюдал, послышалось несколько гневных выкриков.

Горожане, кричащие на кезанских солдат, – это не к добру.

Внутри оцепления кирасиров, стоявших с каменными лицами и карабинами наготове, находилось три кезанских офицера. Двое из них, явно пьяные, в расстегнутых мундирах и грязных рубашках, покачиваясь, возвышались над маленьким рыжеволосым человечком с пепельными, как у всех пало, веснушками. Лицо и борода его были залиты кровью, он закрывался руками от пинков и плевков двух пьянчуг.

Третий офицер – Кардин – стоял сбоку с напряженным выражением на лице, отчаянно пытаясь найти выход из положения.

Пало звали Тель-Айсло, и он был хозяином «Урчащей свиньи». Стайк прищурился, сделал два шага в толпу, заставляя горожан расступиться, и направился прямо к кезанским кирасирам.

– Прочь с дороги, – прорычал он.

Самый высокий среди них уступал ростом Стайку почти фут. Рассмотрев желтый колониальный мундир и серебряную пику на лацкане, он заметно сглотнул.

– Прочь, – приказал Стайк.

– Простите, сэр, – отозвался кирасир. – Не могу. Приказ.

– Я майор, – нетерпеливо сказал Стайк, глядя поверх его головы. Офицер, судя по всему, майор Прост, пнул Тель-Айсло по ребрам. – Ваш майор явно пьян, так что старший офицер здесь я. Прочь, или я сам тебя подвину.

Кирасир облизнул губы и огляделся по сторонам, ища поддержки у товарищей перед таким гигантом. Тель-Айсло достался очередной удар, и Стайк вырвал карабин из рук кирасира.

– Эй!

Стайк ухватил карабин обеими руками и переломил его о колено, словно спичку. Вернул обломки и, протиснувшись мимо кирасира, направился к майору Просту.

Кардин попытался его задержать, бормоча объяснения, но Стайк одним движением уложил кезанца на землю. Объяснения его не интересовали. Напали на человека под его защитой.

Стайк переключился на другого офицера – не Проста – со значком капитана на заляпанных вином лацканах. Он приподнял его за шиворот рубахи, и очередной удар не достиг Тель-Айсло. Потеряв опору, капитан запаниковал и засучил ногами. Стайк швырнул его прямо в цепочку нервничающих кирасиров.

Вокруг воцарилась мертвая тишина, потом из толпы раздался выкрик:

– Задайте этим кезанским придуркам, майор Стайк!

Крикуна поддержал еще один голос, а затем насмешки посыпались со всех сторон. Кирасиры сгрудились плотнее, явно выбирая между побегом и огнем на поражение. Стайк со всей ясностью осознавал, что в паре улиц отсюда ждут их многочисленные сослуживцы.

Одно неверное слово – и все закончится резней.

– Всем заткнуться, – проревел он.

Снова воцарилась тишина, и Стайк повернулся к майору Просту и Тель-Айсло. Майор пошатывался, пытаясь сфокусироваться на Стайке.

Стайк поднял Тель-Айсло на ноги.

– Идти сможешь? – мягко спросил он.

Тель-Айсло кивнул, не сводя с Проста полных ужаса глаз.

– Иди внутрь, запри двери и приведи себя в порядок.

Стайк слегка подтолкнул пострадавшего к постоялому двору, а сам повернулся к Просту и посмотрел ему в глаза. Явно до сих пор пьян. Прост качнулся вслед за Тель-Айсло, потрясая хлыстом.

– Я еще с тобой не закончил, пало!

Он резко остановился, глядя на Стайка, словно увидел его впервые.

– А ты, – сказал он, тыча хлыстом Стайку в грудь, – только что совершил очень большую ошибку. Я займусь тобой, как только разберусь с этим лисьеголовым сыном шлюхи. Слышишь меня, лисеныш? Вернись сейчас же!

Стайк махнул, чтобы Тель-Айсло шел внутрь, и, схватив Проста за лацканы, поднял его обеими руками и притянул нос к носу.

– Сейчас же бросайте хлыст, забирайте своих солдат и проваливайте, или я сломаю вам обе руки.

Прост злобно рыгнул Стайку в лицо, безвольный рот скривился в пьяной усмешке.

– Убери руки, колониальная дубина.

– Эти люди под моей защитой, – спокойно сказал Стайк. Ему не хотелось накалять обстановку, но он не позволит кезанцам запугивать своих людей. – Умерьте гордость, и пусть капитан Кардин выведет вас из города, пока дело не приняло дурной оборот.

Прост не сводил взгляда со Стайка. На лице застыла ухмылка, в глазах появилось осмысленное выражение. Нарочито медленно он сжал губы и втянул щеки. Стайк точно знал, что произойдет дальше, и решил: будь что будет.

Стулок мокроты шмякнулся ему чуть ниже левого глаза, забрызгав все лицо, и стек по щеке. По первым рядам толпы прокатился громкий вздох, капитан Кардин совершенно отчетливо воскликнул: «Вот дерьмо!»

Стайк отпустил Проста и, пока заплетающиеся ноги не подвели кезанца, одной рукой схватил его за запястье, а другой за бицепс и резко опустил его локоть себе на колено, как проделал это ранее с карабином. Раздался тошнотворный хруст, форму Проста прорвали окровавленные кости, и после поразительно долгой паузы он закричал.

Прост продолжал кричать, пока Стайк разворачивал его и проделывал то же самое со второй рукой. Все заняло лишь несколько секунд, после чего кезанец упал на землю. Катаясь в пыли, он визжал от боли и орал, чтобы кто-нибудь прикончил Стайка.

Стайк поднял голову и столкнулся взглядом с Кардином. Подоспели несколько десятков конных кирасиров во главе с сержантом Грейсли и теперь застыли за его спиной в нерешительности, обнаружив, что источник криков – их майор. Стайк ясно читал на лице Грейсли размышления: должна ли она убить его на месте, а потом – получится ли это у нее.

– Заберите его и выметайтесь из моего города, – сказал Стайк Кардину. Потом обернулся к толпе и повысил голос, чтобы заглушить крики Проста. – А вы расходитесь. Позже констебль Рези опросит свидетелей преступления. Спасибо.

Развернувшись спиной к толпе и кирасирам, Стайк зашагал к двери постоянного двора, отметив мелькнувшее в окне лицо Тель-Айсло. Послышался глухой удар и скрежет отодвигаемого запора.

Стайк нырнул в тишину постоянного двора и подошел к бару.

– Чего-нибудь горького, – попросил он.

Терпеливо подождал, пока Тель-Айсло поставит перед ним кружку пива, сделал глоток. Прижал прохладную кружку к виску, прислушиваясь к приглушенным голосам солдат, пытающихся успокоить Проста.

– Спасибо, майор, – сказал Тель-Айсло, пряча глаза.

– Осенью с твоей жены причитается яблочный пирог, – хрипло отозвался Стайк, жалея, что не остался в постели с Рези. Она еще не раз припомнит ему, какая это была хорошая идея.

– Я буду присылать по пирогу каждый день целую неделю, – благодарно улыбнулся Тель-Айсло.

Стайк решил, что в таком случае, наверно, оно того стоило.

– Что вообще произошло? – спросил он, проведя рукой по волосам.

– Я попросил его оплатить счет. – Тель-Айсло сглотнул. – Он... возразил.

– Вот сволочь, – пробормотал Стайк. – Не переживай, все в порядке. Ты под моей защитой, неважно, пало ты или нет, и я не позволю никаким континентальным отморозкам тебя избивать.

– Спасибо еще раз.

Стайк прислушался к стуку копыт и крикам солдат снаружи. Если Кардин действительно хочет избежать беспорядков, то выведет своих людей из города за четверть часа. И поспешит доставить Проста в Лэндфолл, чтобы передать на попечение избранного целителя. Значит, через пару дней вести дойдут до ушей губернатора. Стайк проклял свой нрав и задумался, как ему лучше поступить. Губернатор будет, мягко говоря, не в восторге. Возможно, стоит по-тихому выйти в отставку и исчезнуть в горах, не дожидаясь ареста.

Считая минуты, Стайк слегка обеспокоился, когда стук копыт вдруг стал громче и с улицы послышались разгневанные крики. Он обернулся на стуле.

– В чем дело?

Тель-Айсло бросился к окну. Его лицо тут же побледнело, и он отступил назад.

Не успел Стайк вскочить на ноги, как дверь распахнулась. Он с удивлением оглядел капитана Кардина с небольшим отрядом солдат в кезанской форме. Явно не кирасиры. За ними маячила так и не разошедшаяся толпа. Кирасиры тоже никуда не делись. Новоприбывшие угрожающе оцетинились мушкетерами, на лацканах у каждого алело перо.

– Кажется, я сказал вам убираться, – нарушил молчание Стайк.

Кардин был бледен и заметно вспотел.

– Сожалею, сэр, но это не в моей власти. Майор Бенджамин Стайк, вы арестованы именем губернатора Крилло же Сирода. Прошу вас без лишнего шума пройти со мной.

Стайк почувствовал, как волосы на загривке встают дыбом. Звуки, которые он слышал, означали не исход солдат из города, а прибытие. Все встало на свои места, и он узнал эти красные перья. Разумеется. Личная охрана губернатора. Значит, сам губернатор в городе.

Не везет так не везет.

Стайк допил пиво и двинулся к ним. Кардин шагнул в сторону, а солдаты медленно пятились, пока Стайк не вышел за порог. Горожан почти полностью окружила рота солдат с красными перьями на лацканах. В центре возвышался мужчина с вытянутым лицом, залысынами и бородкой-эспаньолкой, скрывающей безвольный подбородок. Несомненное сходство между ним и Простом бросалось в глаза.

Губернатор Сирод, облаченный в редингот с жестким воротом и шейный платок, смотрел на толпу, вздернув нос. В руках его изящно лежали поводья. Если Прост славился садистскими наклонностями, то Сирод был попросту тщеславен: он владел сотнями плантаций, нанимал лучших крессианских портных и сапожников, собрал самую большую коллекцию произведений искусства в этой части света и даже обзавелся личным избранным магом. Что касается обязанностей губернатора, Сирод отличался себялюбием и безнравственностью. Его единственная задача в Фатрасте состояла в том,

чтобы любой ценой поддерживать бесперебойные поставки хлопка и табака и, следовательно, укреплять собственную репутацию при королевском дворе в Кезе.

Незаконнорожденный брат Сирода рыдал у ног его коня, пока избранный вправлял и исцелял кости рук. Стайк задержал взгляд на избранном – благодаря собственному дару он чувствовал серный запах магии, – затем вернулся к Сироду и представил, как тот будет выглядеть с собственными внутренностями на шее вместо платка.

В толпе на глаза ему попался сжимающий карабин Блай. Стайк встретился с ним взглядом и слегка покачал головой.

Из постоянного двора появился Кардин и подошел к Стайку, всем своим видом буквально крича, как ему хочется оказаться подальше. Он прочистил горло и кашлянул в кулак.

– Майор Стайк, сэр. Пожалуйста, без лишнего шума.

«Пожалуйста» вышло умоляющим, что одновременно вызвало раздражение и польстило Стайку. Даже с несколькими сотнями солдат за спиной Кардин его боялся.

Жалкая кучка трусов.

– Кардин, вы ведь благородный человек?

– Я... надеюсь, что так, майор.

– Тогда дайте слово, что вся ответственность за случившееся ляжет на меня. Не на хозяина постоянного двора. Не на горожан. Не на моих уланов.

Кардин облегченно выдохнул.

– Договорились, майор.

– Хорошо. Тогда я пойду с вами без лишнего шума.

***

Стайк сидел в единственной камере на втором этаже тюрьмы Фернхоллоу. Камера была большой, с голыми кирпичными стенами и щербатым деревянным полом, и предназначалась для того, чтобы содержать пьянчуг и смутьянов, пока они не остынут. От кабинета констебля ее отделяли дощатая стена и массивная железная решетка, сейчас распахнутая настежь, – заманчивое приглашение к побегу, если бы Стайк всеми силами не стремился замаять ситуацию.

Три застекленных окна с решетками выходили на городские улицы. Стайк сидел на единственном топчане, поджав одну ногу под себя, и глядел в одно из этих окон. С момента его ареста прошло уже несколько часов, и в городе царил оживление, от которого хотелось сплунуть.

Всех горожан выгнали из домов, и теперь они покорно стояли на жаре, а охранники губернатора и кирасиры Проста устроили парад на главной площади. Пыль из-под копыт лошадей покрывала всех и вся тонким слоем. Эскадронный оркестр – два барабанчика, три волынчика и пять трубачей – играл так нестройно, что Стайк морщился каждый раз, как они проходили мимо его окна.

И если горожане угрюмо жались по краям улицы, то колониальных уланов Стайка вынудили стоять навтыжку посреди площади, без коней и оружия. От этого кровь Стайка закипала сильнее всего. Он заставлял себя смотреть, как по лбам уланов катится

пот, оставляя дорожки на покрытых пылью лицах, пока охранники губернатора снова и снова скачут мимо, пересмеиваясь между собой. Это было в высшей степени унижительно.

– Тебя удар хватит, если не перестанешь пялиться.

Стайк повернул голову. Прислонившись к дверному проему, Рези с жалостью смотрела на него, словно на побитого пса, отчего ярость только усилилась.

– Я должен смотреть. – Стайк отвернулся обратно к окну.

– Только мучаешь себя.

– В этом и смысл.

– Да ладно. – Рези пересекла комнату и прислонилась к его плечу. Бросив взгляд за окно, попыталась оттащить от него Стайка. – Ты никому не поможешь, мучаясь чувством вины.

– Я не мучаюсь чувством вины. – Стайк пожалел, что не убил Проста. – Я злюсь. Меня не должно быть в этой камере, а они не должны там стоять. Не везет так не везет.

– В чем именно? В том, что губернатор объявился через несколько минут после того, как ты сломал руки его брату?

– Да, именно в этом. Или в том, что кирасирам вообще приспичило проехать через этот город. Ты узнала, зачем здесь Сирод?

– Как ты и сказал, не везет, – ответила Рези. – В Джерриншире устраивали какие-то военные учения. Он возвращался оттуда, когда услышал, что его брат здесь, поэтому и изменил маршрут, чтобы с ним встретиться.

Военные учения. Стайку захотелось сплюнуть. Он подумал обо всех слухах, сочащихся с севера. Охватившие страну беспорядки по большей части обходили Фернхоллоу стороной. И вот теперь местный губернатор марширует взад-вперед со своей охраной, словно этот город – логово мятежников, которых нужно приструнить.

– Слушай, ты же заступился за людей. Это твоя работа.

– Надо было дать им избить Тель-Айсло, и кирасиры отправились бы восвояси, – пробормотал Стайк.

Рези скользнула на колени Стайку и устроилась поудобнее лицом к нему, загородив окно. Она пыталась отвлечь его, что вызывало у него одновременно раздражение и благодарность.

– Я не буду возражать, – сказала Рези. – Нужно было обойтись с Простом помягче, но ты этого не сделал. Случилось то, что случилось, и мы просто с этим разберемся.

Стайк выглянул за спину Рези, и она тут же укоризненно вздохнула.

– Я не знаю законов, – произнес он. – Что будет дальше?

– Давай прикинем. – Рези воздела глаза к потолку. – Полагаю, они не успокоятся до вечера, пока Сироду не надоест и он не отправится дальше. Если его удовлетворит это маленькое представление, свой гнев он сосредоточит на тебе. Если нет, может наложить штраф на мэра или на город. – Она щелкнула языком, явно раздраженная вторым вариантом. – Если отдуваться тебе, то, скорее всего, придется гнить здесь несколько месяцев, а потом тебя отправят на военный трибунал в Лэндфолл. Наказание будет зависеть от состава трибунала.

Стайк наконец перестал выглядывать в окно и, нахмурившись, сосредоточился на Рези. За свою карьеру он много раз нарушал дисциплину, но армии всегда требовались подобные ему, и он был достаточно большим и достаточно смелым бойцом, чтобы на его буйный нрав всегда закрывали глаза. Правда, никогда раньше ему не доводилось разозлить губернатора.

– И что это может быть за наказание? – спросил он.

– Казнят тебя вряд ли, – криво ухмыльнулась Рези, давая понять, что такой вариант не рассматривается. – Наверняка используют как пешку в политической игре. Если трибунал будет благосклонным, отделаешься легким испугом и тебя отпустят. Если же Сирод засунет в трибунал своих прихлебателей, тебя лишат звания и пенсии.

Стайк хмыкнул. Пожалуй, это самый вероятный исход. Конечно, мало приятного, но ему и раньше удавалось прожить без гроша в кармане. Он мысленно перебрал варианты, готовясь к разносам и унижениями, через которые придется пройти, прежде чем он выйдет на свободу. После стольких лет было непривычно думать о жизни вне службы.

– Я буду скучать по уланам, – сказал он.

– Ой, да прекрати. – Рези игриво чмокнула его в щеку. – Никогда в жизни не встречала более удачливого сукина сына. Скорее всего, в итоге получишь дерьмовое назначение где-нибудь на фронтире. Что будет совсем не плохо, учитывая, что ты сломал руки губернаторскому братцу.

Последнюю часть она произнесла со снисходительным удивлением, с которым большинство людей расспрашивают дебоширов про их пьяные выходки накануне.

– Кстати, а почему ты решил, что это будет хорошая идея?

– Ничего я не решал. – Стайк со вздохом отстранился, пытаясь справиться с яростью, которая никак не отпускала, и скользнул взглядом в вырез рубашки Рези. – Он сволочь и заслужил это.

Когда он наконец посмотрел ей в лицо, Рези улыбалась. Она держалась игриво и бодро, но глаза выдавали тревогу. Стайк гадал, какие страхи крутятся у нее в голове: за город, за его, Стайка, безопасность и карьеру, или она просто привыкает к мысли, что его, скорее всего, выпрут отсюда.

Он и сам был не в восторге. Ему нравился этот город, нравились эти люди. Ему очень нравилась Рези, хотя он понимал, что они не созданы для брака. До сей поры отъезд не входил в его список неотложных дел.

Они долго молчали, обдумывая возможное будущее. Под окном снова прогромыхал оркестр, и Рези отвела взгляд.

– Можно подумать, – пробормотала она, – что Сироду больше нечем заняться.

– Где он вообще?

– Заставил мэра устроить щедрое застолье для офицеров и, как я понимаю, ведет себя как последняя сволочь.

– Показывает себя во всей красе.

– Вроде того. – Рези помолчала. – Но ему и правда есть чем заняться.

– Например?

– Ты не читал утреннюю газету?

Стайк закатил глаза.

– Обычно я просматриваю утреннюю газету только после того, как сломаю руки кезанскому офицеру. Нет, не читал.

– Вы же вроде друзья с губернатором Редстоуна?

– С Линдет?

– Ага, с ней.

Стайк несколько мгновений переваривал вопрос, не совсем уверенный, хочет ли он услышать, что Рези скажет дальше.

– Это немного сложнее чем дружба, но полагаю, что да.

– Она разогнала кезанский гарнизон.

– Да ладно. – Стайк не смог скрыть изумления. Яйца у Линдет больше, чем у любого мужика, но даже для нее это слишком. – Это в ее власти?

– Она собрала собственное народное ополчение из колонистов и разогнала гарнизон, пригрозив штыками.

Стайк выглянул из окна на дом мэра, дивясь, почему Сирод до сих пор не на полпути к Лэндфоллу. Колониальный губернатор, совершивший открытую измену, вызовет переполох по всей стране. И о таком захолустье, как Фернхоллоу, губернатору Лэндфолла уж точно стоит беспокоиться в последнюю очередь.

– Новый день, все та же хрень, – сказала Рези.

– Наверное, – неуверенно отозвался Стайк.

Линдет сделала ход, и теперь он занервничал всерьез. Может статья, через пару недель вся эта история с Простом и Сиродом даже не будет иметь значения. Он поднял голову, разглядывая улицу, в груди вдруг поселилась тяжесть: люди снаружи – и фатрастанцы, и кезанцы – впустую растрачивают время. Ему отчаянно захотелось дойти до дома мэра и встряхнуть Сирода.

Рези взяла его лицо в ладони и настойчиво отвернула от окна. Потом поерзала бедрами, прижавшись плотнее.

– Ну-ка, – сказала она. – Хватит волноваться об этом дерьме. Если тебя собираются отослать, давай хотя бы насладимся оставшимся временем.

От этих слов сердце Стайка сжалось. Он улыбнулся Рези, а она, наклонившись ближе, зашептала прямо в ухо:

– Кушетка в моем кабинете весьма крепкая.

Стайк встал и, не отпуская Рези, пошел к открытой двери камеры. Девушка засмеялась и обхватила его ногами за талию. Он задержался на миг, чтобы взяться поудобнее, и зацепился взглядом за что-то за окном. Шеренги горожан глотали пыль, и в глубине толпы молодая девушка лет пятнадцати-шестнадцати, наклонившись, выковыривала что-то из земли. Замах – и из руки вылетел камень.

Камень угодил телохранителю губернатора прямо в висок. Голова безвольно мотнулась, и он медленно, тяжело сполз с седла и рухнул на землю.

И разверзлась бездна.

Беспокойная полудрема сморила Стайка на тюремном топчане, но даже во сне он вскидывался от любого шороха из темноты. Он взмок от вечерней жары и ярости, пальцы дергались от желания схватиться за нож, саблю, пику или просто за чье-то горло.

Около трех часов утра по тюремной лестнице наконец загрохотали сапоги. Стайк заставил себя проснуться и повернул голову к решетке. Свет фонаря заплескал на стенах, а затем осветил камеру целиком.

Видок у Рези был тот еще. Пыль на коже смешалась с потом, черные волосы торчали в разные стороны. На одежде засохла грязь. Вдоль всего предплечья, от большого пальца до самого локтя, тянулся болезненный на вид порез. Она поставила фонарь на полку рядом с камерой, толкнула решетку и, дотащившись до топчана, устало плюхнулась рядом со Стайком.

Стайк открыл было рот, но понял, что ему нечего сказать. Он обнял ее за плечи, все еще чувствуя, как пальцы дрожат от ярости, которую он так и не решился выпустить наружу.

«Не вздумай даже носа высунуть из этой камеры!» – последнее, что сказала ему Рези, прежде чем броситься в разгорающийся бунт. Беспорядки начались около часа дня с того самого камня, брошенного девушкой. Судя по тишине снаружи – и присутствию Рези – все наконец успокоилось. Вытянув шею, Стайк выглянул в одно из окон, но увидел только тьму.

– Прости меня, – наконец произнес он.

– Тот камень бросил ты? – огрызнулась она в ответ.

– Нет.

– Значит, не за что извиняться.

– Вся ситуация...

– Закрой рот, Бенджамин, или я запру тебя в этой камере и уморю голодом.

Рези запустила пальцы в волосы. Стайку хотелось притянуть ее к себе, как-то успокоить, но ее движения были такими резкими и неприветливыми, что он побоялся, как бы она не выполнила свое обещание, если он пойдет дальше утешительных жестов. Он затолкал поглубже свои собственные переживания: чувство вины за обострение конфликта, досаду от невозможности выйти и образумить людей и особенно холодную ярость на Сирода за то, что тот сделал только хуже.

Через некоторое время Рези положила голову на плечо Стайка.

– Каковы потери? – прошептал он.

– Семнадцать погибших. Четверо – кезанские солдаты. Двое уланов. Остальные горожане. Тридцать девять раненых. В основном горожане.

– Кто из уланов? – спросил Стайк.

– Хэп и Ганни.

Стайк нахмурился. Хэп был недалеким, ничем не выдающимся, однако старательным малым. Ганни – смешливой, всегда с шуткой наготове, лучше всех в роте стреляла из карабина на полном скаку. Обоих будет очень не хватать. Он подавил вздох и подождал, пока Рези продолжит.

– Сгорела ферма Чэттерлайн.

Значит, запах дыма ему не примерещился.

– Кезанцы?

– Нет. Дурацкая случайность во время неразберхи. В огне никто не пострадал, но она потеряла двух коров, сарай и большую часть дома.

Рези заставила Стайка сесть прямо, а сама улеглась на топчан, устроив голову у него на коленях.

– Кто-то бросил в охрану Сирода камень. Тот угодил одному бедняге прямо в висок и вышиб из него дух. Он свалился с лошади и сломал шею. То, что случилось потом, не поддается описанию. Солдаты запаниковали и атаковали горожан. Полетело еще больше камней. Слава Кресимиру, стрелять не решились, но многие пострадали в давке или от ударов сабель. А твои уланы молодцы, – добавила она. – Встали стеной между солдатами и горожанами, правда, слишком поздно.

– Что в итоге?

– Порядок восстановили только через несколько часов. Еще через пару часов удалось убедить Сирода покинуть город и увести солдат ради их же собственной безопасности. Они ушли незадолго до заката, и после этого я только тем и занималась, что оценивала ущерб и давала возможность выпустить пар.

Стайка впечатлило, что она никого не прибила в приступе ярости. Он прекрасно знал: будь он на ее месте, городскую площадь заполнили бы кезанские трупы, а сам он был бы мертв или на полпути к фронтиру.

– Значит, они ушли?

– Солдаты?

– Ага.

– Давно, – подтвердила Рези. – Я всю ночь пыталась успокоить горожан. Но губернатор сильно злился. Мне кажется, он воспринял все произошедшее как личное оскорбление. Мы вместе с мэром еле убедили его не сжигать город.

Стайк глянул на Рези, раздумывая, стоит ли говорить, что губернатор, скорее всего, вернется и приведет гораздо больше людей. В лучшем случае в Фернхоллоу разместят кезанский гарнизон – и дополнительные расходы на его содержание лягут на город. В худшем... Стайк не был уверен, насколько далеко может зайти губернатор в гневе. Сирод – бездушный, расчетливый сукин сын. Его волнует только собственная репутация. Подобное происшествие... что ж, рано или поздно вести неизбежно достигнут королевского двора.

Размер ущерба можно оценить, когда Стайк предстанет перед трибуналом. Он вспомнил новость о том, что Линдет разогнала гарнизон Редстоуна, и надеялся, что сегодняшняя стычка забудется на фоне гораздо более серьезных проблем по всей стране.

Он решил, что сейчас не время обсуждать с Рези плохие новости. Еще будет возможность, пока он сидит в этой камере, ожидая приказа явиться в Лэндфолл.

– Я считаю, тебе надо уходить, – внезапно сказала Рези.

– Хм?

– Ломаешь дверь камеры. Растворяешься в ночи. Набиваешь седельные сумки, забираешь Дешнара и проваливаешь в бездну.

Эта мысль уже приходила в голову Стайку, но он удивился, что Рези рассудила так же. Она уважала закон гораздо сильнее него.

– Я не оставлю тебя одну отвечать за это.

– Я и не собираюсь, – фыркнула Рези. – Потому и говорю о побеге, а не о простой прогулке.

Стайк едва не рассмеялся. Он обдумывал вариант, прислонившись затылком к прохладной кирпичной стене и рассеянно перебирая пальцами потные волосы Рези. Можно уйти в Редстоун: вдруг Линдет пригодится улан. Его мысли свернули в эту сторону, когда он заподозрил что-то неладное. В камере стало светлее, чем от одного фонаря. На потолке затанцевали резкие оранжевые всполохи. Он оглянулся на окно и вскочил на ноги, нечаянно сбросив Рези на пол.

На другом конце площади пылал дом мэра. Пламя охватило весь фасад, и в его неверном свете виднелись мечущиеся фигуры. Стайк открыл было рот, чтобы сообщить об этом Рези, когда заметил, что расположенная в нескольких кварталах местная церковь тоже горит.

– Во имя бездны, что ты...

Рези, поднявшись, замолкла на полуслове. Они оба ошеломленно уставились на разгорающийся пожар.

– Что происходит? – прошептала она и кинулась к лестнице. Как раз в этот момент внизу раздался оглушительный грохот.

– Это была входная дверь – предупредил Стайк, пока Рези открывала камеру.

– Я знаю, – рыкнула она, одним прыжком скрывшись в своем кабинете и тут же вернувшись с огромным боз-ножом.

Снизу слышались крики и грозный топот сапог. Рези метнулась к лестнице, и Стайка невольно потянуло следом.

С лестничного пролета вдруг раздалось сдавленное бульканье. Стайк замер, вцепившись в решетку, глядя, как Рези словно врезалась в невидимую стену.

– Рези? – позвал он.

Она застыла, а затем вдруг взмыла по лестнице спиной вперед так быстро, что Стайк отступил на полшага. Ее тело с силой швырнуло обратно, и она распласталась на лестничной площадке – двое кезанцев насадили ее на штыки. Стайк глянул на неподвижное тело, потом на четверых солдат, поспешивших занять позицию. Они ошетинились мушкетами с примкнутыми штыками и нацелились на зарешеченную дверь камеры. Рези затоптали походя, даже не посмотрев.

Стайк узнал одного из солдат – сержанта Грейсли, кезанку, которая оскорбила его два дня назад. Ее рот растянулся в зловещей усмешке.

– Это он. – Она ткнула в него мушкетом.

Стайк глянул на Рези, потом на Грейсли. И обратно на Рези.

– Стреляйте по коленям, – приказала Грейсли. – Капитан хочет его сжечь.

Стайк уперся руками в потолок и выбросил ногу вперед, вложив в удар все силы до последней капли. Тяжелая железная дверь камеры, по-прежнему не запертая и приоткрытая, ударилась о раму, слетела с петель и врезалась в ряд мушкетов. У него зазвенело в ушах от двух панических выстрелов в замкнутом пространстве.

Стайк не знал, попали в него или нет, – плевать. Он выскочил из камеры. Один из четверых солдат скатился по лестнице, остальные свалились на пол кабинета Рези. Стайк наклонился к ближайшему, схватил ублюдка за горло и раздавил трахею. Сгрёб мушкет второго, когда тот прицелился в него. Одним движением сдернул штык, перевернул его и вонзил солдату в глаз.

Грейсли прижало дверью, мушкет застрял. Она тщетно пыталась высвободить оружие и в панике глянула на подошедшего Стайка.

– Я не хотела, – взмолилась она. – Но приказы...

– Это сделал Прост? – спросил Стайк.

Зарево от пылающих зданий залило светом уже всю комнату, скоро весь город будет в огне.

– Да, – ответила Грейсли. – То есть нет. Прост командует, но приказ отдал Сирод.

– Почему? – Стайк прислушивался к возне на лестнице.

– Его унизили! Нельзя переходить дорогу семье губернатора!

– Где Прост?

– Сжигает дом мэра. Послушай, Стайк, я просто выполняла приказы. Ты бы сделал то же самое!

– Нет, не сделал бы. – Стайк наклонился и обеими руками приподнял железную дверь с Грейсли. – Может, я и чудовище, но у меня хотя бы есть принципы.

Грейсли попыталась выставить перед собой мушкет, но Стайк с силой опустил дверь, нижним краем проломив череп Грейсли, словно яйцо. Потом подхватил мушкет, подошел к лестнице и разрядил его в грудь так и не очухавшегося до конца солдата.

Отшвырнув мушкет, Стайк опустился на колени рядом с Рези. К его удивлению, глаза ее были открыты, губы подрагивали. Он перевел взгляд на ее живот: месиво из кишок и почерневшей крови. Даже избранный не спасет, не от таких ран.

– Я не могу пошевелиться, – прошептала она.

– Похоже, штык задел позвоночник, – мягко сказал Стайк.

– Я умираю?

Лоб Стайка избородили морщины, подбородок задрожал. Перед глазами вдруг все поплыло.

– Умираешь, – подтвердил он и провел пальцем по щеке Рези.

– Сколько?

– Может, протянешь день, если хватит сил.

– В бездну все это, – прохрипела Рези. – Не заставляй меня.

Стайк подsunул руки под спину Рези, поднялся с ней на ноги и осторожно отнес на кушетку в углу кабинета. Взглянул ей в лицо: по щекам текут слезы, зубы крепко сжаты от боли. Он поразился, что она даже не вскрикнула.

– Я люблю тебя, Рези.

Он наклонился и поцеловал ее в лоб, потом в оба глаза, почувствовав на губах слезы. Потом закрыл ее лицо подушкой и придавил.

Стайк просидел так несколько минут, пока Рези не покинули последние признаки жизни. По лицу текли слезы, по губам – сопли. Он так стиснул зубы, что заболела челюсть. Крики снаружи наконец вывели его из оцепенения, и он заставил себя встать.

Положил подушку под голову Рези, поправил ей волосы. Выйдя на лестничную площадку, поднял ее боз-нож и, оглянувшись в последний раз, двинулся к двери.

В неверном свете ему открылось зрелище, достойное глубин бездны. По всему городу темноту вспарывали охваченные пламенем здания. Между ними мелькали силуэты, какая-то женщина громко пыталась организовать пожарную бригаду, потом крик оборвался. Неподалеку плакал ребенок. Полная неразбериха.

Сосредоточившись на криках, Стайк зашагал к маленькому опрятному домику. В пыли стояла на коленях женщина в ночной рубашке и, баюкая тело мужа, звала на помощь. Ее звали Мия, вместе с мужем она держала скобяную лавку, догорающую в нескольких шагах. Фигуры в штатской одежде, но явно с кезанскими мушкетами в руках, не обращая внимания на ее мольбы, грабили дом и выбрасывали на улицу мебель.

Один из солдат вынес из дома захлебывающегося криком малыша, держа его за ногу. Мия вскочила и с воплем бросилась к солдату. Тот оттолкнул ее, вытянул руку с ребенком, словно готовился прирезать курицу, и потянулся за ножом на поясе.

Стайк припомнил репутацию Проста, а также репутацию его солдат и зашагал в сторону мародеров вдвое быстрее. Второй солдат – женщина – начала возражать, но солдат с ребенком лишь покачал головой.

– Приказ есть приказ.

Стайк вынырнул из тьмы так стремительно, что никто не успел среагировать. Схватил ребенка за вторую ногу, вонзил боз-нож Рези солдату под ребра. Развернулся к возражавшей кезанке и одним движением вспорол ей живот. Мия уставилась на него, разинув рот.

– Спрячься, – приказал он, отдав ей ребенка, и направился к дому.

Внутри Стайк обнаружил еще трех мародеров и оставил остывать их трупы там, где настиг. Перешел в другой дом, затем в следующий. Ярость в груди обжигала так сильно, что он почти ничего не чувствовал. Он резал механически, деловито, без угрызений совести и посторонних мыслей. Убивал каждого, кого не узнавал, и оставил за спиной десятки тел, стараясь не думать, что потратил слишком много времени, горя по Рези.

Стайк потерял счет убитым солдатам. В какой-то момент он забрал с очередного трупа тяжелую кирасирскую саблю и превратился в смерть в ночи. Почти никто не давал отпор – все попавшиеся ему солдаты терялись, столкнувшись с сопротивлением, и до Стайка наконец дошло: с колониальным гарнизоном что-то случилось. Уланы давно бы заметили пожар и поспешили на помощь.

Неужели Блай и все остальные мертвы? Неужели эти ублюдки убили Дешнара?

Как можно быстрее он двинулся дальше, прокладывая себе дорогу вокруг городской площади к дому мэра. Отправил семью кузнеца прятаться в темноте, но не успел помешать убийству молодой сапожницы и ее мужа. Миновав дом, полностью охваченный пламенем, подкрался с черного хода к горящему дому мэра и обнаружил в саду небольшую группу.

Мэр Дорезен был дородным, рассудительным человеком. Его семейство жалось к своему горящему дому под прицелом полудюжины мушкетов. Пламя лизало одежду, Дорезен с женой старались укрыть пятерых детей от жара. По лицу мэра текли слезы, но он вызывающе смотрел на кезанцев.

Майор Прост стоял позади солдат, сцепив руки за спиной, и бесстрастно наблюдал, как пылает дом. Было видно, что избранный отлично справился с лечением: Прост периодически резко взмахивал рукой в сторону дома, словно дирижируя слышной только ему симфонией.

Стайк замер на границе света, оценивая противника: шесть солдат, два сержанта, капитан и сам Прост. Солдаты мрачно смотрели на Дорезена, стиснув зубы, – выполняли приказ, хоть он им неприятен. Стайк много раз видел такие взгляды, когда служил на фронтире.

– Вы трусливые свиньи, – плюнул Дорезен. – Там люди гибнут!

Прост сделал очередной жест в сторону огня.

– И ты присоединишься к ним, если не заткнешься.

Внутри дома что-то ухнуло, провалилась крыша, и пламя взревело так громко, что Стайк не расслышал окончание фразы. Через несколько секунд стало тише.

– Выживете только вы, – продолжил Прост, – и с этого дня всем будете рассказывать, что Фернхоллоу уничтожили пало.

– Это безумие! – вскричал Дорезен. – Никто не поверит!

– Никто и не должен верить. Нужно, чтобы они смотрели тебе в глаза, пока ты лжешь о судьбе своего города, и видели в них страх. Нужно, чтобы они знали, что происходит, когда унижают корону. – Прост сделал паузу. – Других свидетелей не будет, как и расследования. Никто не сможет опровергнуть твою версию. Газеты распространят новости, и в конце концов, независимо от того, верят или нет, люди начнут задумываться: а что, может, и правда пало сожгли Фернхоллоу? А потом, кто знает? Вдруг получится объединить кезанцев и фатрастанцев на борьбу с палом.

– Это ваш брат все придумал? – спросил Дорезен.

Прост взвился, обжигая Дорезена взглядом.

– Это моя идея!

– Нет, не ваша. Вы не настолько умны, чтобы углядеть политическую выгоду. Вы просто садист и пьяница.

Стайк обошел двор по границе света, пока не оказался за спинами Проста и его солдат. Осторожно присел на корточки, опершись на тяжелую кавалерийскую саблю, и впервые заметил рану на плече, пропитавшую кровью рубаху.

Прост приосанился и выпятил грудь.

– Хочешь сгореть, как и твои дружки? – прорычал он Дорезену. – Я начну с твоих детей, может, тогда до тебя дойдет.

Стайк прыгнул вперед, в мгновение ока преодолев расстояние до Проста. Сначала разобрался с сержантом – свирепо полоснул по горлу ножом и отшвырнул труп в сторону. Второй сержант умер еще до того, как труп первого коснулся земли. Капитан повернулся к Стайку, и на его лице успело отразиться удивление, а Стайк отбросил нож, взялся обеими руками за саблю и снес капитану верхушку черепа.

Вломив Просту эфесом сабли в лицо, Стайк шагнул к пехотинцам. Двое упали еще до того, как остальные поняли, что происходит, и благодаря внезапности Стайк быстро с ними управился. Не прошло и минуты, как он остановился, тяжело дыша. Грудь

вздымалась, руки, лицо и мундир заливала кровь. Один из пехотинцев успел выстрелить – пуля вскользь задела плечо Стайка, другой сумел полоснуть штыком по ребрам.

– Бен, – выдохнул Дорезен, пока его жена уводила детей подальше от огня.

– Простите, мэр, я опоздал.

– Бен, я...

Стайк справился с собой и покачал головой.

– Не тратьте зря слова. На другом конце города этих ублюдков еще много. Похоже, Прост привел с собой большую часть эскадрона. Уходите, пока можно.

Дорезен глянул на Проста: тот начал стонать и корчиться, хватаясь за лицо. До этой ночи Стайк никогда не слышал, чтобы Дорезен хоть о ком-то отзывался дурно, но сейчас мэр наклонился и плюнул Просту в лицо, а затем вместе с семьей растворился в ночи, не проронив ни слова. Стайк опустился на колени рядом с Простом, пытавшимся прийти в себя, и не двигался, пока не послышался стук копыт. Он поднял саблю и приготовился к атаке кирасиров, однако из темноты вынырнули знакомые пики и ярко-желтые мундиры.

Блай уставился на Проста и тела.

– Стайк, ты как?

– Долго вы, – проворчал он в ответ.

– Полсотни этих сволочей пытались забаррикадировать двери и поджечь казармы. Последние двадцать минут мы резали ублюдков. Потом заметили огонь и прискакали во весь опор.

Прост ухитрился перекатиться на четвереньки и теперь пытался встать. Стайк схватил его за шиворот и поднял одной рукой.

– Вот так вы, твари, научились сражаться на фронтире? Поджигать дома и надеяться, что огонь сделает всю работу за вас?

– Да что ты знаешь о сражениях? – прохрипел Прост, суча ногами в воздухе.

Стайк развернул его лицом к себе. Прост ударил кулаком. Стайк перехватил удар и сломал запястье, а затем тряс Проста, пока тот не перестал вопить.

– Знаешь, а ты высокомерный сукин сын! Сколько человек ты с собой привел?

Прост упрямо молчал, и Стайк отвесил ему оплеуху.

– Сколько?

– Сто шестьдесят! – завизжал Прост.

Стайк посмотрел на Блая.

– По дороге сюда я убил человек тридцать-сорок.

– Кресимир, – охнул Блай.

– Остальные все еще жгут Фернхоллоу. Идите и прикончите их. Как бешеных собак. Вперед!

Блай рявкнул приказ, и уланы, рассредоточившись, галопом помчались через городскую площадь. Через несколько мгновений прогремел выстрел карабина. И еще один. Выстрелы слышались то тут, то там. К ним добавились звуки коротких схваток, когда до остальных кезанцев дошло, что у них появилась компания.

Стайк лениво подтащил Проста к огню, насколько позволял жар, а затем ткнул лицом прямо в пламя. Прост вопил и бился, пытаясь вырваться, пока Стайк не отступил на несколько шагов назад и не развернул его к себе.

– Нравится тебе, мудака трусливый? – поинтересовался Стайк.

Он швырнул Проста наземь и пнул в живот с такой силой, что того подбросило вверх. Затем схватил его за волосы, оторвав от земли.

Слезы текли по лицу Проста, мешаясь с кровью и теряясь в некогда ухоженной, а теперь опаленной бородке. Он баюкал сломанную руку.

– Я чудовище, Прост. Я знаю, кто я. Но я не убиваю детей и не сжигаю мирных жителей. А еще я не люблю мучить, но для тебя сделаю исключение. – Стайк наклонился вперед, так что их лица почти соприкоснулись. – Ты приехал в Фернхоллоу с двумя сотнями человек. Где остальные сорок?

Прост залопотал так бессвязно, что Стайк дважды заставил его повторить.

– В лагере, в шести милях к северу отсюда. Капитан Кардин и все, кто отказался пойти с нами. Вернемся в Лэндфолл – все отправятся под трибунал за неподчинение.

– Они отказались помогать тебе жечь женщин и детей, а ты отправишь их под трибунал?

– За неподчинение!

– Приказ отдал твой брат?

Прост распахнул глаза.

– Да. Да! Он отдал приказ. Сказал, что нужно защитить честь семьи. Что нас должны бояться, иначе ситуация выйдет из-под контроля.

– Он понятия не имеет, что на самом деле значит «выйдет из-под контроля».

Стайк пошарил в траве в поисках ножа Рези. Нашел его и обтер о мундир Проста. Опустился на колени рядом с кезанцем, задумчиво глянул на лезвие, изо всех сил стараясь сдержать ярость и горе, которые грозили захлестнуть с головой.

– И ты правда думаешь, что вернешься в Лэндфолл живым?

Прост шумно сглотнул и задрал подбородок.

– Ты не посмеешь.

– Не посмею? – Стайк скептически оглядел тела вокруг. – Я только что убил десятки кезанских солдат и, наверно, пять или шесть офицеров. Какой бездны мне переживать еще об одном?

Он вздохнул и закрыл глаза, затолкав горе поглубже. Надолго его не хватит, так что нужно покончить с делами. Он приставил нож Рези Просту между глаз.

– Итак, хочешь, чтобы я сделал это после твоей смерти? Или хочешь пожить несколько лишних минут?

– Сделал что?

Прост попытался отползти, но оперся на сломанную руку и вскрикнул.

– Я хочу жить, – запричитал он.

– Глуповатый ответ. Но я подарю тебе еще несколько минут, пока не закончу.

Стайк поднял нож и начал напевать гимн уланов.

Стайк похоронил Рези за городом, на холме: утром, пробившись сквозь ивы, туда падали первые лучи солнца. По всему городу еще тлели пожары. Он почти час простоял у могилы, потом пошел к наполовину сгоревшим казармам и забрал Дешнара из не тронутой огнем конюшни. Не спеша почистил его, подавляя в душе остатки любви к этому месту, а затем поскакал в центр Фернхоллоу.

Мертвенно-бледные горожане молча таращились на останки своих жилищ. Блай с мэром пытались организовать людей, чтобы похоронить мертвых и потушить последние пожары. Стайк направился к постоялому двору Тель-Айсло – по иронии судьбы, одному из немногих зданий, переживших погромы. В дверях стоял напуганный Тель-Айсло с мушкетером в руках, несомненно, ожидая расправы. Его жена бегала туда-сюда, поднося раненым пиво и хлеб.

Блай стоял на крыльце, пытаясь выглядеть авторитетно, и явно терпел неудачу. Его лицо осунулось, глаза покраснели, плечи поникли. Сказав Мие, все еще обнимавшей тело мужа, что его скоро придется похоронить, он поднял руку, приветствуя Стайка.

Спешившись, Стайк привязал Дешнара у постоялого двора. Блай подошел ближе.

– Люди еще не отошли от случившегося. Они никогда не испытывали ничего подобного.

– Ну еще бы, – резко отозвался Стайк. Потом заставил себя вспомнить, что Блай – друг, и смягчился. – В первый раз всегда нелегко. И во второй. К такому можно только притерпеться.

– Кое-кто дезертировал после того, как мы вырезали кезанцев ночью, – сказал Блай. – Перепугались. Не могу их за это винить. Будут последствия.

– Я тоже их не виню. Пусть бегут. Забудь о них.

– Я... – Блай запнулся и почесал затылок, скользя взглядом по сожженным останкам сонного городка. – Мы ведь были в своем праве, дав отпор? Если придут кезанцы, нас отправят под трибунал, но мы ведь просто защищались.

– Защищались, – согласился Стайк.

– Ну и как тогда...

– Я бы не заморачивался по поводу моральной стороны. Разве кезанцы когда-нибудь вели себя в Фатрасте как блюстители морали?

Подобная наивность не была свойственна Блаю, но Стайк решил не заострять на этом внимание. Прошедшая ночь многое изменила. Он прищурился, заметив движение на дороге. Через несколько мгновений уже можно было разглядеть большую колонну верховых. Он узнал желтые мундиры своих людей, но между ними мелькала зелено-коричневая форма и сверкающие кирасы кезанцев.

– Я послал несколько парней привести капитана Кардина, как ты и просил, – пояснил Блай.

Стайк дождался, пока отряд – около сотни, считая и уланов, и кирасиров Кардина – остановится посреди дороги. По осоловелым глазам и неразговорчивости уланов было видно, что им пришлось скакать всю ночь, чтобы доставить Кардина и его людей. Кирасиры затравленно озирались, сам Кардин пытался держаться достойно, хотя,

казалось, вот-вот расплачется. В сгущающейся тишине горожане таращились на кирасиров, и Стайк шагнул вперед, пока они не сообразили броситься все скопом.

– Никто из вас не участвовал в том, что случилось ночью, – громко, чтобы слышали и горожане, и кезанцы, сказал Стайк. – Вы все ослушались своего командира, потому что это правильно. Майор Прост приказал отдать вас под трибунал. Верно?

Кирасиры мрачно закивали.

– Спешиться, – приказал Стайк.

Кирасиры переглянулись, некоторые потянулись к оружию.

– Вы слышали! – каркнул Кардин. – Спешиться!

И первым подал пример, встав по стойке «смирно» рядом с лошадьё, словно на смотре. Остальные медленно подчинились. Стайк разглядел нерешительность в их глазах.

– Оружие и кирасы. – Стайк указал на землю у своих ног. – Складывайте.

Никто не пошевелился.

– Вы нас убьете? – испуганно спросил кто-то.

Стайк повторил. Кардин шагнул вперед, расстегнул нагрудник и бросил к ногам Стайка, за ним полетели карабин, мушкет и сабля. Образовалась очередь, и друг за другом все кирасиры последовали примеру командира. Когда они почти закончили, Стайк повернулся к Блаю.

– Пусть парни добудут дров из догорающих зданий. Соорудите мне на площади громадный костер.

Это не заняло много времени, и вскоре пламя уже лизало ветви больших дубов, а безоружные кирасиры стояли навытяжку в ряд. Остатки горожан – те, кто еще не сбежал, – сгрудились по краям площади. Почти тысяча пар глаз следила за происходящим, и, судя по бормотанию, люди сомневались, казнь это или что-то еще.

– Снимайте мундир, – сказал Стайк Кардину.

Молча повиновавшись, Кардин протянул мундир Стайку, но тот не шелохнулся.

Кардин взглянул на Стайка, затем на огонь. Провел пальцами по звездочкам на лацканах, с отвращением на лице шагнул к костру и бросил в него свой кавалерийский мундир. Остальные солдаты, смекнув, что это не казнь, начали раздеваться.

Отвернувшись, Стайк заметил мэра Дорезена. Тот взирал на происходящее, стоя у тлеющих остатков своего дома.

– Удивлен, что вы их пощадили.

– Они отказались нападать на нас, – пояснил Стайк. – Не подчинились этому свихнувшемуся куску дерьма. Они нам не враги.

Он бросил взгляд на руины дома Дорезена и подумал, не винит ли мэр его во всем произошедшем. Все началось и закончилось Простом, но Стайк был связующим звеном. Он в сотый раз пожалел, что не сдержался, и в сотый раз понял, что не смог бы остаться в стороне, когда Прост избивал Тель-Айсло до смерти.

– Забирайте всех и уходите. Как только Сирод узнает, что здесь произошло, он отправит целую бригаду, чтобы уничтожить свидетелей.

– Нам предложили убежище в Холденшире, – сказал Дорезен.

Холденшир – городок неподалеку. Расположен достаточно близко, чтобы оттуда заметили огни ночью.

– Боюсь, это плохая идея, – возразил Стайк.

– А что еще нам остается? – Дорезен невесело усмехнулся. Глаза у него были красные. – Куда податься? Даже если уйдем за сотню миль, это ничего не изменит. В конце концов Сирод нас найдет.

– Как только похороните мертвых, собирайте все ценное и отправляйтесь на северо-запад. Если покинете территорию Сирода, он вряд ли станет вас преследовать. Рассказывайте каждому встречному о том, что здесь произошло. Пусть, если он уничтожит выживших, это ничего ему не даст.

– На северо-запад?

– Губернатор Линдет выгнала кезанский гарнизон из Редстоуна. Полагаю, она войдет в положение. Передайте, что вас послал я.

Дорезен сомневался, но Стайк сказал все, что хотел. Он было развернулся, чтобы уйти, затем озвучил еще одну мысль.

– Эти кирасиры... не позволяйте нападать на них. Они невиновны. Пусть помогут похоронить мертвых, и отпустите их с миром.

С этими словами он оставил мэра и вернулся к Блаю, от которого узнал, что все кирасиры, включая Кардина, собираются малыми отрядами пробираться в Кез.

Блай склонился к Стайку.

– Они отрекаются от присяги Кезу.

– Я слышу. – Стайк поднял брови.

Он не просил и не ожидал от них такого. Большинство из этих людей, вероятно, изменят имена и заново вступят в кезанскую армию в каком-нибудь захолустье в надежде, что все уляжется. Должно быть, вид сожженного города подействовал на них сильнее, чем он ожидал.

– Думаю, тебе следует увести парней в Редстоун, – посоветовал Стайк.

– Что? А ты не с нами?

– Нет, я с вами не пойду. В Редстоуне у вас все будет хорошо, скажешь губернатору, что вас прислал я.

– А ты куда?

Стайк отвязал Дешнара от столба. Похлопал по холщовому мешку, свисающему с луки седла. В нем что-то зловеще хлопнуло.

– Вручу Сироду то, что осталось от его брата. А потом вырежу его позвоночник и суну ему под нос.

***

Стайк покинул Фернхоллоу в одиночестве и через два дня добрался до Лэндфолла. Столица раскинулась на побережье, на огромном плато, с которого на многие мили вокруг открывался вид на пойму и океан Пелос. Стайк заехал в предместья с юга, где плато возвышалось над ним почти на двести футов. Оно простиралось почти на две мили

и было застроено частными и многоквартирными домами, правительственными зданиями и тому подобным.

В отличие от других городов Девятиземья Лэндфолл появился сравнительно недавно. Несколько сотен лет назад здесь были лишь маленький городок, форт и маяк. Только в последние лет восемьдесят население резко выросло, и город переполнился настолько, что предместья выплеснулись в пойму.

Последний раз Стайк посещал Лэндфолл зимой, и даже в предместьях чувствовалось, что в городе произошли перемены. По дороге он прислушивался к местным сплетням: возможно, порт скоро закроют; губернатор Сирод упомянул о военном положении. Все ходили, опустив глаза и ссутулившись, и перешептывались в переулках, а мальчишки-газетчики кричали о катастрофе, чтобы продать свои стопки газет.

Стайк решил избегать главных улиц, которые патрулировались кезанскими гренадерами, и, покружив по предместьям у подножия плато, поймал лодку для спуска по реке в ущелье. Он высадился в Гринфаэр-Депс – старой каменоломне, превратившейся в трущобы, и, ведя Дешнара в поводу, поднялся по серпантину прямо в центр города.

Недалеко от трущоб располагался бар, опасно нависший над ущельем. Желтая вывеска гласила: «Напитки и конюшня с видом на каньон». Большинство прохожих решили бы, что бар, судя по рискованному расположению и ветхому виду, знавал лучшие времена и, возможно, когда-то даже слыл модным местечком для рискованных пьянчуг. Стайку же было доподлинно известно, что бар построили в точно таком виде всего несколько лет назад. Он никогда не знавал лучших времен и никогда не узнает. Хозяйке все нравилось как есть.

Стайк оставил Дешнара на одного из мальчишек, которые здесь считались конюхами, и зашел внутрь. Сердце слегка екнуло, когда он ступил с твердой земли в заведение, почти полностью нависающее над краем ущелья. Под его весом пол сердито заскрипел.

Хозяйкой бара была крошечная желтозубая женщина неопределенного, но почтенного возраста с копной седых волос и дурным характером, таким же суровым, как ущелье. Ходили слухи, что тех, кто не может заплатить по счету, выбрасывают из люка под баром, и они с криками падают вниз. До того как стать хозяйкой бара, женщина была уланом, причем весьма хорошим.

– День добрый, Бенджамин, – сказала она, когда он присел.

– Как поживаешь, Саннинтиэль?

Стайк бросил монету на стойку и потянулся. Оглядел полупустой зал: несколько пар глаз косилось в его сторону.

Саннин склонила голову набок и плеснула ему что-то коричневое из зеленой бутылки.

– Я думала, ты мертв.

– С чего бы это? – Стайк поднял стакан и всмотрелся в мутную жидкость. – Что за дерьмо?

Саннин лучезарно улыбнулась.

– Сама делала.

– Пахнет ужасно. – Стайк сделал глоток и чуть не сплюнул в ее улыбающееся лицо.

– И на вкус ужасно.

Однажды его обманом заставили выпить рюмку прогорклого китового жира. Сейчас на вкус было похоже, только еще хуже.

Ее улыбка стала шире.

– Я припасла для тебя целую бутылку.

– Не нужна мне твоя бутылка. Я хочу пива и новостей.

Саннин стукнула бутылкой о барную стойку и сунула ее ему под нос.

– Ты должен быть мертв, – повторила она.

– Ты это уже говорила. Почему?

Саннин кивнула на бутылку. Стайк неохотно бросил на стойку несколько монет. Она хмуро посмотрела на монеты и потрогала согнутым пальцем, словно пересчитывая.

– За это дерьмо больше не дам.

Саннин сгребла деньги.

– Ты должен быть мертв, потому что ночью губернатор Сирод проехал через Лэндфолл с новостями о том, что племя предателей-пало вырезало гарнизон Фернхоллоу и сожгло город дотла. – Она наклонилась вперед и, прищурившись, посмотрела Стайку в лицо. – Значит, либо это брехня, либо ты выжил. Либо тебя недавно перевели, и в таком случае я с сожалением сообщаю, что Фернхоллоу больше нет.

Она поставила локоть на стойку бара, словно говоря «теперь твоя очередь».

Стайк прикончил порцию коричневой жидкости, изо всех сил стараясь не заблевать чистый бар, и еще немного потомил Саннин в любопытстве.

– И как к этому отнеслись? – спросил он.

– Хм-ф. Эта новость отчасти растворилась среди других плохих новостей. Слышал, что Редстоун открыто восстал?

– Я слышал, что Линдет разогнала кезанский гарнизон.

– Ну, сегодня это главная новость. Она решила не останавливаться и провозгласила независимость от кезанской короны. Разворошила самое настоящее осиное гнездо.

– Значит, никому нет дела до Фернхоллоу?

Стайк слегка расстроился. Может, это всего лишь тихий захолустный городок, но какое-то время это был его городок.

– О, людям есть дело, – ответила Саннин. – Ночью у меня тут пили до рассвета колониальные застрельщики, какое-то хулиганье. Собирались линчевать нескольких пало и ехать служить добровольцами на фронт.

Стайк хмыкнул. От этой мысли затошнило. Уж колонисты должны соображать. Что за дурацкая история про «племя предателей-пало»? Любое пало так далеко на юге был, как говаривали фатрастанцы, «одомашненным». Местные пало привыкли жить в городе, не высывались и старались зарабатывать на жизнь как все. Жестокие племена остались слишком далеко на севере, чтобы дотянуться до такого местечка, как Фернхоллоу.

– Так ты оттуда? – спросила Саннин. – Что произошло на самом деле?

Стайк вытащил и положил на стойку клочок ткани, который срезал с мундира мертвого кирасира в Фернхоллоу.

– Что это? – Улыбка Саннин слегка поблекла.

Стайк проигнорировал вопрос.

– Ты знаешь, кто такой Нонс же Прост?

– Ага, – неуверенно протянула Саннин. – Незаконнорожденный брат Сирода.

– По приказу Сирода рота кирасиров Проста сожгла Фернхоллоу и перебила пару сотен человек – мужчин, женщин, детей. Они попытались сжечь и казармы, но уланам удалось вырваться и спасти то, что осталось от города.

Улыбка Саннин полностью исчезла.

– Кресмир, – ахнула она. – За что?

– За оскорбление.

– За оскорбление? – эхом отозвалась она.

– Прост избил хозяина постоянного двора, когда тот попросил оплатить счет. Я сломал Просту руки. Потом... ситуация обострилась.

– Вот уж обострилась так обострилась. – Саннин замолчала, обдумывая последствия. – Значит, губернатор не знает, что атака его брата не увенчалась успехом?

– И что его брат и вся его рота – трупы на пепелище Фернхоллоу, – подтвердил Стайк.

Он решил не рассказывать про Кардина. Кардин теперь дезертир и заслужил фору.

– За твою голову назначат награду. – Саннин оглядела посетителей бара.

– Как только губернатор узнает, что произошло на самом деле, – кивнул Стайк. – Сдашь меня?

– Бездна, нет. Я хочу сохранить свою шкуру. Но не могу отвечать за это дурачье. – Она незаметно ткнула в сторону посетителей. – Тебе надо бежать, Бен. Убирайся отсюда, пока не поползли слухи. Могу одолжить немного денег и дать корма для Дешнара, но тебе надо убираться...

– Люди Проста убили Рези, – перебил Стайк.

Саннин пошевелила губами, но не издала ни звука и, тяжело сглотнув, отступила на полшага.

– Что будешь делать? – наконец прошептала она.

Стайк вытащил нож Рези, ковырнул им пробку на бутылке с мерзкой жидкостью, которую всучила ему Саннин, и опрокинул ее себе в рот. Осушил примерно половину за раз и вернул остатки Саннин. В желудке потеплело, от сердца отлегло.

– Собираюсь доставить послание. И мне нужна твоя помощь. – Он постучал пальцем по клочку ткани на стойке. – Это нашивки роты Проста. Хочу, чтобы ты повторяла историю, которую я только что рассказал. Пусть разойдется по городу. Хочу, чтобы к вечеру все в Лэндфолле знали, что натворил губернатор. Используй эти нашивки в качестве доказательства.

Сирода, похоже, не заботит революция в Редстоуне. А вот разгневанные горожане на пороге, несомненно, привлекут внимание.

– Хочешь, чтобы он начал на тебя охоту?

– Да. Хочу.

Не прошло и часа, как Стайк покинул Лэндфолл, сделав остановку лишь затем, чтобы купить водонепроницаемый матросский сундучок. В него он переложил содержимое вонючего, облепленного мухами мешка, который уже два дня болтался на передней луке седла. Привязав сундучок, Стайк поехал дальше, пока его не успели обогнать новости о том, что и Фернхоллоу, и сам он выжили после атаки Проста.

Напряженность, царящая в Лэндфолле, полностью захватила предместья и распространилась на городки вдоль берегов Хэдшо. Стайк ехал вверх по реке. Все, кого он встречал, словно сговорившись, с виноватым видом спрашивали о новостях, надеясь выяснить что-нибудь полезное, чтобы пережить новую революцию, набирающую силу в Редстоуне.

Поздно вечером в центре одного из таких городков Стайк заметил большую толпу и решил выяснить, что могло привлечь внимание шестидесяти-семидесяти человек. Он свернул с тракта и с опаской направил Дешнара к центру городка.

Чтобы понять, что происходит, много времени не потребовалось. Толпа вяло наблюдала, как горстка распаленных мужчин и женщин гомонит рядом с большим дубом. К дубу крепилась веревка, затянутая на шее молоденького пало. Длины веревки едва хватало, чтобы удерживаться на ящике.

Стайк подъехал к девчужке, которая наблюдала за происходящим с крыльца лавки.

– Что он натворил?

– Не знаю. – Девчужка не отрывала глаз от дуба. – Па говорит, ничего он не сделал, но городские старейшины заявили, что он сжег Фернхоллоу. Мол, больно подозрительный.

– И никто за него не заступился?

– Неа. Он просто сирота. Последние годы работал на хлопковых полях, но он задира, и па говорит, может, лучше пусть его повесят.

Стайк скривился. Разговоры закончились, и барристер выбила ящик из-под ног пало. Парень провалился на несколько дюймов вниз и тут же начал задыхаться.

Цокнув языком, Стайк развернул Дешнара к середине улицы и с криком «Н-но!» ударил коленями ему по бокам. Взвившись, Дешнар во весь опор понесся в толпу. Горожане бросились из-под копыт. Стайк добрался до дуба, дважды объехал его, отгеснив разъяренных предводителей, а потом встал в стремянах и перерезал веревку.

Снова ударил Дешнара коленями по бокам, чтобы тот скакал вокруг дуба, все более широкими кругами, едва не сбивая с ног всех, кто пытался приблизиться к приходящему в себя пало. Когда до толпы наконец дошло, Стайк натянул поводья и остановился рядом с мальчишкой.

– Как тебя зовут?

Пало было не больше пятнадцати-шестнадцати – и правда мальчишка. Среднего роста, худой и жилистый, он явно всю жизнь трудился физически. Острые скулы придавали лицу зловещий вид, а из-за постоянного пребывания на солнце все лицо покрывали веснушки. На нем был хлопковый костюм, куртка порвана, лицо заливала кровь. Растирая шею, пало поднял глаза на Стайка.

– Хенрик, – прохрипел он. – Хенрик Шакал.

– Что это за имя такое для пало – Хенрик?

– Я сам его выбрал.

– Уноси ноги, Шакал, – посоветовал Стайк.

– Мы его повесим, когда захотим, – крикнул кто-то из толпы.

Стайк обернулся и увидел раскрасневшуюся женщину, одетую как барристер, – ту самую, что выбила ящик из-под Шакала. Стайк фыркнул.

– Что он натворил, трахнул твою дочку?

Сдавленно вскрикнув, женщина метнулась вперед. Пока она добиралась до Стайка, тот успел отцепить и нацелить пику. Женщина резко остановилась в паре дюймов от острия.

– Где городской констебль? – требовательно поинтересовался Стайк, обводя взглядом толпу.

Вопрос пришлось повторить еще дважды, прежде чем ему наконец ответили:

– Пару часов назад уехал в Лэндфолл.

Стайк фыркнул. Он не раз видывал такое: шериф или констебль «уезжают» прямо перед линчеванием, чтобы не пришлось ни пачкать руки, ни говорить толпе «нет».

– А гарнизон? – спросил он.

– Не хотят вмешиваться. Это местное дело, – крикнул еще кто-то.

Типичная ситуация.

– Он и правда что-то натворил, чтобы его вешать?

Воцарилась долгая тишина. Никто не хотел встречаться с ним взглядом. Стайк вспомнил о пьяных колонистах, собиравшихся найти и линчевать пало, о которых рассказала Саннин. Интересно, сколько пало погибло за последние двенадцать часов из-за паники, которую раздул губернатор. Сирод хотел переключить внимание на них, отвлечь людей вымышленным врагом. И это сработало.

– Так я и думал, – проворчал Стайк, поднимая пику. – Вам что, нечем заняться, кроме как срывать на пало? От этого будет только хуже.

Он мотнул головой в сторону Шакала.

– За мной.

Его не посмели тронуть, и Стайк, вернувшись на тракт, поехал дальше на север. Пало молча шагал рядом. Когда городок наконец остался далеко позади, Стайк остановил Дешнара и, опершись о луку седла, посмотрел на угрюмого молчаливого мальчишку.

Шакал вытаращился на него в ответ и спустя некоторое время произнес тихим, но решительным голосом:

– Я это сделал.

– Сделал что?

– Переспал с дочерью барристера. Но я ее не заставлял.

Стайк усмехнулся.

– Молодец. Только момент ты выбрал не самый удачный. Губернатор взбаламутил всех против пало. В ближайшие месяцы будет еще много такого дерьма.

– Я тогда не знал о Фернхоллоу. Я не дурак.

– Ну, раз не дурак, убирайся отсюда.

Шакал благодарно кивнул и, свернув с дороги, исчез в болотистой равнине. Интересно, мальчишка свалит дурака и кружным путем вернется в город, чтобы прихватить вещички – а то и девицу, – или все-таки окажется умнее и со всех ног кинется к фронтиру? Так или иначе, это больше не проблема Стайка.

Сам Стайк проехал еще три мили на север, прежде чем пересек реку и свернул на запад. В пейзаже быстро прибавилось разнообразия: ивовые рощи вдоль ручьев, разделяющих хлопковые поля; гряды холмов; огромные поместья-плантации, принадлежащие выслужившимся кезанским аристократам и преуспевающим фатрастанским купцам.

Через три часа он очутился на узкой дороге под сенью больших ив. Вдали, за табачным полем виднелся особняк, выстроенный в том же стиле, что и любой другой в этой части света: двухэтажное кирпичное здание с крыльцом, колоннами, большой белой дверью и окнами с закрытыми ставнями, тянущимися по фасаду обеих этажей. Впрочем, этот особняк был больше других. К каждому крылу были пристроены флигели, и казалось, что он расплзается, словно дворянская усадьба. Псарни с одной стороны дома превосходили по размеру казармы, в которых Стайк размещал три сотни уланов. В музее в дальнем конце долины располагалась печально известная коллекция произведений искусства, которой, по слухам, завидовала крессианская знать.

Короче говоря, губернатор Лэндфоллского региона Фатрасты устроился весьма неплохо.

Из-за особняка появилась группа всадников. Их было около двадцати, и все они носили алые перышки охранников губернатора. На подъездной дорожке один из них спешился и исчез внутри.

Это не грошковые кезанские кирасиры, у которых мало опыта и еще меньше храбрости. Это отборные воины, многие – бывшие гренадеры. Может, они и не чета, скажем, адроанским штуцерникам, но столкнуться с ними среди бела дня Стайку не хотелось.

Стайк развернулся в седле и оглянулся. К нему приближалась повозка. Он миновал ее несколько минут назад, а теперь дождался, пока она его догонит, и окликнул хилого на вид, дымящего трубкой мужичка-возницу:

– Ты едешь в резиденцию губернатора?

– Так и есть. Доставляю соленую рыбу с рынка Лэндфолла. – Старик прищурился на Стайка. – Ну ты и здоровяк.

Стайк выудил из кармана несколько монет и наклонился, чтобы отдать их старику.

– Сделай одолжение, доставь и кое-что от меня. Подарок для губернатора.

– А сам не можешь?

Стайк поморщился.

– Я раньше спал со старшей горничной. Она поклялась, что пристрелит меня, если еще раз увидит.

– Тогда ладно. Возьму твои деньги. Для губернатора, говоришь?

– Лично в руки. – Стайк отвязал матросский сундучок от седельных сумок. – Скажи ему, это от майора Проста.

Стайк очнулся ото сна, в котором на руинах Лэндфолла плясало пламя. Он лежал в сырой траве у ручья в одной из ивовых рощиц. Губернаторский особняк остался в нескольких милях к югу. Лоб Стайка покрылся потом, в левом предплечье больно кольнуло, как от укуса насекомого. Стайк хлопнул по предплечью и перевернулся.

Не успел он устроиться поудобнее, как рядом кто-то тихо закричал. Стайк мгновенно распахнул глаза, сна как ни бывало. Перекатившись на колени, он вытащил нож и прищурился в темноту.

В высокой траве боролись две темные фигуры. Блеснуло лезвие. Нырнув вперед, Стайк вырвал нож из чьей-то руки и со всего размаха навалился на обоих так, что противники оказались плашмя друг на друге, а сам Стайк пригвоздил верхнего коленом в грудь.

Когда глаза его привыкли к темноте, быстро выяснилось, что женщину с ножом практически задушил крепкий юноша, оказавшийся теперь в самом низу.

К удивлению Стайка, это был мальчишка-пало – Шакал.

– Объясни-ка. – Стайк прижал нож к горлу женщины.

Она не издала ни звука.

– Я следовал за тобой издали, – быстро сказал Шакал. – Эту женщину отправили из особняка губернатора вскоре после того, как ты проехал мимо. Она преследовала тебя и попыталась зарезать, так что теперь я ее убью.

Женщина сдавленно вскрикнула и забилась. Стайк вдавил лезвие в горло.

– Ну так что? Ты работаешь на губернатора?

– Не верь мальчишке, – прошипела женщина. – Я...

Она замолчала, и Стайк фыркнул.

– Не умеешь находить отговорки, так хотя бы всегда имей одну про запас, если провалишь задание. Отвечай быстро, если хочешь жить. Тебя послал губернатор?

– Да, да, он! – захрипев, выдавила женщина.

– Тогда почему ты не перерезала мне горло?

Она молчала, пока Стайк не усилил нажим.

– Меня послали тебя отравить. Губернатор хотел, чтобы ты остался цел и невредим, – выставить тебя напоказ. Потом мы бы перерезали тебе вены и сказали всем, что ты покончил с собой от стыда.

Стайк усмехнулся. Сам факт, что у провинциального губернатора есть в распоряжении наемный убийца, был невероятным, но почему-то не слишком удивительным. Он встал, вырвал женщину из хватки Шакала и резко толкнул через поляну. Если у нее есть яд, придется ее раздеть и осмотреть все вещи. Не самое приятное дело. Проще ее убить, но если оставить в живых, это будет мощное послание губернатору: я не боюсь твоих прихвостней. По опыту Стайк знал: ужас врага всегда стоит затраченных усилий.

– Раздевайся. – Он указал на землю между ними.

Она зыркнула на него. В темноте ее лицо казалось по-настоящему растерянным.

– Не буду.

На Стайка вдруг накатили усталость и раздражение. Может, стоит все-таки просто убить ее.

– Или так, или нож, – предложил Стайк. – Я не собираюсь тебя трогать, но ядом ты не воспользуешься.

Женщина застыла, будто обдумывая его слова, потом сняла куртку и положила на землю. Каждое движение было преувеличенно замедленным, и Стайк задумался, почему она все делает так долго.

– Быстрее, – приказал он.

Остановившись, она несколько секунд пристально смотрела на него.

– Почему ты не умираешь?

– Что?

Не успел Стайк поинтересоваться, что она имеет в виду, как женщина прыгнула вперед, сверкнув спрятанным оружием.

Он отрубил ей руку у запястья, потом вонзил нож в сердце. Женщина умерла, не успев вскрикнуть. Стайк выдернул нож из тела и вытер об ее куртку, уже как следует раздраженный.

– Надо было дать мне ее убить. – Шакал поднялся с травы.

– В любом случае все кончено. – Острием Стайк пошевелил куртку убийцы, пытаясь разглядеть, есть ли что-нибудь в карманах. Надо обыскать ее утром. – Почему ты пошел за мной?

– Мне показалось, это хорошая идея.

– Только поэтому?

– Я не мог вернуться домой. Я никого не знаю на севере. Ты ведь Бен Стайк? Говорят, ты погиб в Фернхоллоу.

– Да, это я.

– Ты не погиб. Похоже, удача с тобой, так что я решил пойти следом.

Стайк фыркнул. Уж не ему спорить с чутьем пало. У него и в мыслях не было, что Шакал замешан в покушении. Очевидно, что мальчишка спас ему жизнь, и за это Стайк благодарен. Впрочем, следует его отослать. Нечего щенку пало крутиться под ногами. Но с этим можно подождать до утра.

– Спрячь тело, – сказал Стайк. – Я лягу поспать в сотне ярдов ниже по течению.

– У тебя на руке царапина, – заметил Шакал.

У Стайка вдруг пересохло во рту. Он вспомнил укус насекомого и прикоснулся к предплечью: на пальцах осталось несколько капель крови.

– Ничего страшного.

***

Несмотря на утреннюю жару, Стайк сильно дрожал, обхватив себя руками. Он напялил запасной мундир и накинул на плечи запасные штаны. Пот струился по лбу и пропитывал одежду. Он лежал на мокром клочке травы с седлом вместо подушки и сверлил взглядом Шакала, хотя не мог как следует сфокусироваться. Кожа болела, любое прикосновение ощущалось как укол тысячи игл.

Шакал сидел на корточках в траве и наблюдал за ним.

– Огонь разжигать нельзя. Тебя ищут.

– Я в курсе, – отозвался Стайк, стуча зубами.

Он едва мог поднять голову, еле шевелил губами. Он не помнил, когда в последний раз чувствовал себя таким невероятно беспомощным. Интересно, если прямо сейчас на них наткнется отряд гренадеров, сможет ли он вообще встать?

– Ты можешь говорить, – заметил Шакал.

– Весьма наблюдательно.

– Это хорошо. – Шакал слегка смутился от сарказма в голосе Стайка. – Яд уже должен был убить тебя.

Стайк поправил второй мундир, чтобы плотнее прикрыть грудь. Каждое движение причиняло боль. Медленно оттянув рукав, он посмотрел на руку: едва заметная царапина от иглы уже затянулась и заживала.

– Ты знаешь, что это?

Несколько мгновений Шакал молча наблюдал за ним. Лицо у него было хмурое, и Стайк не мог решить, то ли это его естественное выражение, то ли следствие недавней попытки его повесить, то ли просто подростковая мрачность. Стайк уже начал думать, что Шакал не ответит, когда тот наконец произнес:

– Я думаю, это корень залежника.

– Откуда ты знаешь?

Название показалось Стайку смутно знакомым. Он знал, как выглядит залежник, и давным-давно один проводник пало рассказал, что листья этого растения есть можно, но к белым стеблям и корням прикасаться нельзя ни в коем случае.

– Я сказал, я так думаю, – ответил Шакал. – У тебя есть судороги? Понос?

– Понос ты бы почувял. Судорог нет.

– Тогда это может быть залежник.

– И?

Стайк потер руки, пытаясь их согреть. Ощущение было, словно трешь о жгучую крапиву.

– Залежник вызывает сильную лихорадку и слабость. И паралич. Я видел, как от него умирают. Просто...

– Что?

Шакал казался неуверенным.

– Он убивает за пару часов. Паралич должен был наступить через несколько минут после того, как тебя поцарапали.

– Значит, это не он, – проворчал Стайк.

Стайк не знал, в чем дело, но это походило на болезнь, которую он перенес в детстве, и воспоминания о том времени вернулись к нему вместе с болью.

Он вспомнил, как его охватила лихорадка и он почти два месяца провел в постели. Сознание то возвращалось, то ускользало, а бесконечная вереница докторов говорила отцу, что он умрет через несколько дней. Мать сидела у постели и тихонько напевала, а младшая сестра таскала ему конфеты и подсовывала под язык, чтобы не узнал отец. Ему казалось, он и теперь чувствует вкус и запах тех конфет – лимонный мед с ноткой

имбиря, все более ощутимой по мере того, как конфета растворяется во рту. Как странно, что нечто столь приятное ассоциируется с такой ужасной болью.

Он вспомнил, как отец расхаживал по коридорам и громко спорил с матерью о том, что Стайка пора избавить от страданий. И вновь ощутил холодную яростную решимость не доставить отцу удовольствия от своей смерти. Он плохо помнил, как выздоровел. В один прекрасный день лихорадка отступила, и он снова смог ходить. С тех пор он даже ни разу не простужался.

Стайк плыл по воспоминаниям, лихорадка то усиливалась, то ослабевала. Течение времени ничего не значило, но в какой-то момент его затуманенный взгляд сосредоточился на Шакале.

– Ты работал в поле?

– Да.

– Откуда ты знаешь о ядах?

– Я... – Шакал замолчал, наклонив голову, чтобы посмотреть на Стайка. – Когда мне было десять лет, приют продал меня аптекарше в помощники.

– Тогда какой бездны ты собирал хлопок?

– Потому что хозяйка била меня палкой. Мне это не нравилось. Когда я ушел по какому-то поручению, с ней произошел несчастный случай.

Может, Стайка и лихорадило, но то, как Шакал произнес «несчастный случай», свидетельствовало о том, что происшествие вовсе не было случайным.

– Сколько тебе было лет?

– Двенадцать.

Стайк попытался что-то почувствовать: ужас, сочувствие, интерес. Энергии для эмоций не хватало.

– Я был примерно в том же возрасте, когда впервые убил человека, – проворчал он.

– Другого мальчика?

– Нет, детей я не убивал никогда. Даже самые худшие маленькие говнюки заслуживают шанс на взрослую жизнь. Это был взрослый мужчина.

– Почему?

– Потому что он это заслужил.

Шакал кивнул, больше ни о чем не спросив, и Стайку показалось, что вечно сердитое выражение лица мальчишки смягчилось. От разговоров Стайк устал: онемел язык, заныла челюсть. Возможно, как раз начинается паралич. Возможно, Шакал прав насчет корня залежника.

– О Фернхоллоу поползли слухи, – сказал Шакал.

Стайк хмыкнул в ответ.

– Выжившие говорят, что ты в одиночку убил семьдесят-восемьдесят солдат, чтобы спасти город. Это правда?

– Сдашь меня?

– Я люблю кезанцев не больше, чем фатрастанцев. По мне вы все одинаковые. Но ты спас мне жизнь, так что нет.

Стайк закашлялся. Внутри словно оторвался кусок легкого. Он подождал, пока в груди перестанет kloкотать.

– Я думаю, их было человек тридцать. Самое большее сорок.

Брови Шакала поползли вверх.

– Шутишь?

– Нет.

– Хвастаешься?

– Мне есть чем похвастаться и без этого.

Последовало долгое молчание.

– Я тебе верю, – произнес наконец Шакал. – Как ты сражался с таким количеством?

– Почти не сражался. Нетрудно уложить сорок человек в темноте, когда все их внимание сосредоточено на убийствах невинных и грабежах. Нужны лишь хороший нож и твердое намерение. У меня было и то, и другое.

Нахмурившись, Шакал посмотрел на Стайка с чем-то похожим на беспокойство и поджал губы.

– Если выживешь, я пойду с тобой.

– Я разжигаю восстание, – отозвался Стайк.

– Как?

– Я останавливался в Лэндфолле и постарался, чтобы история о Фернхоллоу быстро распространилась. Отследить источник нетрудно.

– Кезанцы жестокие. Так им и надо.

– А еще я собираюсь убить губернатора.

– Потому что он этого заслуживает?

– Да.

– Это достаточно веская причина.

Стайк попытался усмехнуться, но силы его покинули. Ему удалось перекатиться на бок, мысли начали путаться. Похоже, и правда подступал паралич. Он прикрыл глаза от яркого полуденного солнца, сжал кулаки и стал ждать смерти.

***

Кто-то тряс Стайка, вырывая из лихорадочного сна. Он дернул головой вбок, пытаясь вернуться в тепло сильных, пропахших дымом рук Рези, прежде чем вспомнил, где находится.

– Ты не мертв, – сказал Шакал.

– Нечего так удивляться.

– Больше нельзя здесь засиживаться. Окрестности прочесывают крупные отряды губернаторской охраны. Бьют по кустам и проверяют все рощи. Если останемся, нас найдут.

У Стайка сильно пересохло во рту, зато одежда до последней нитки пропиталась потом. Он открыл глаза и сосредоточился на Дешнаре, щипавшем траву у воды. Попробовал пошевелить одной рукой, потом другой. До сих пор чувствовалась

зажатость, будто он натянул чужую кожу не по размеру, но двигаться можно. Паралича нет.

Он заставил себя сесть, вытащить из седельных сумок бурдюк с водой и сделать большой глоток. Медленно и неуверенно подполз к ручью и наполнил бурдюк, затем окунул голову в прохладную воду.

– Нужно уходить, – упорствовал Шакал.

– Сколько у нас времени?

– Самое большее десять минут.

– Кресимир, – выругался Стайк.

Ноги подкашивались, но, опершись о ствол молодой ивы, он смог подняться. Шакал уставился на него так, словно он только что вылез из могилы. Стайку казалось примерно так же.

– Помоги мне, – приказал он.

Им удалось оседлать Дешнара, и после долгой неловкой возни, в которой были задействованы две ивы и плечи Шакала, упершиеся в задницу Стайка, он снова сидел в седле. Опасно покачнувшись, он изо всех сил вцепился в переднюю луку.

– Куда поедем?

Стайк жалел, что нет сил разведать обстановку самому. Пока что их скрывали ивовая роща и берега ручья, но это также означало, что не видно подходов к их позиции. Впрочем, в отдалении слышались крики.

Шакал вскарабкался на берег и через несколько секунд вернулся.

– Вниз по течению! Быстрее!

Стайк тронул Дешнара, наклонился, уткнувшись лицом в гриву, и покрепче вцепился в поводья. Жеребец рванул вперед и легким галопом поскакал по середине ручья. Стайка тут же затоснило. Каждый шаг сотрясал тело так, как бывало, когда он только учился ездить верхом.

Шакал бежал рядом, огибая деревья и цепляясь за склон с такой легкостью, что Стайк заподозрил: последние годы мальчишка явно занимался не только тем, что собирал хлопок.

Стайк прислушивался к звукам возможной погони: стуку копыт, крикам, выстрелам из карабинов, – но их никто не преследовал. Они неслись по течению сквозь ивовые заросли, промчались под каменным мостом, и скоро берега опустились настолько, что уже не могли служить прикрытием. Их окружали хлопковые поля, вдалеке виднелся плантаторский дом. Небольшая группа солдат удалялась по дороге, под которой они только что проехали, и Стайк решил, что это один из поисковых отрядов, о которых предупреждал Шакал.

Шакал махнул рукой, замедляя шаг, и Стайк последовал его примеру. Он проскакал не больше мили, но уже выдохся, все тело болело. Чувствовалось, что Дешнар жаждет пуститься в галоп по открытой местности. Пробежка по ручью для него всего лишь разминка.

Шакал подошел к краю ближайшего поля и, понаблюдав за местностью выше по течению, подал знак Стайку.

– Смотри, смотри.

Стайк подошел и проследил за его указательным пальцем. В некотором отдалении у края леса топталась пара кирасиров.

– Нашли наш лагерь, – сказал Шакал. – Если они найдут следы в ручье, то пустятся в погоню. Надо двигаться дальше.

Он помолчал, потом указал на ближайшую дорогу.

– На юг.

Юг означал возвращение в Лэндфолл.

– Это же к особняку губернатора.

– Мы быстро свернем на запад. Я знаю тропу в обход.

Стайк прикинул варианты. Изначально он собирался доставить части тела Проста губернатору, а потом прятаться, пока Сирод будет сходить с ума от горя и ярости. Слухи о Фернхоллоу вызовут волнения среди местных, а переполох в Редстоуне вынудит Сирода действовать: либо самому отправиться на север, либо послать свои личные войска. Стайк хотел последовать за ним, а когда Сирод окажется наиболее уязвимым, нанести удар.

Тогда этот план казался разумным. Но Стайк не верил, что с такой лихорадкой сумеет подкрасться и убить Сирода. Лучше всего вернуться в Лэндфолл, где можно пересидеть и окончательно выздороветь. Сирод умрет за то, что сделал с Рези. Стайк умеет ждать.

– Годится, – сказал он, обмякнув в седле.

Они покинули русло ручья и вышли на дорогу, ведущую на юг. Стайк пустил Дешнара рысью, Шакал бежал рядом.

– Умеешь ездить верхом? – спросил Стайк.

– Я ездил только один раз. Это было ужасно.

Шакал отвечал, не сбиваясь с шага. Он даже не запыхался.

– Вернемся в Лэндфолл, и я тебя научу. Это самое меньшее, что я могу для тебя сделать.

– У меня нет такого желания.

Стайк фыркнул.

– А у меня нет желания ехать верхом, пока ты бежишь рядом, как какой-нибудь раб.

Не успело слово «раб» слететь с его губ, как они поднялись на крутой холм и обнаружили впереди небольшой отряд из четырех кирасиров: нагрудники и шлемы с плюмажами из конского волоса начищены до блеска, зелено-коричневые мундиры украшены алыми перьями личной охраны губернатора. Все четверо уставились на Стайка, разинув рты посреди разговора, словно удивились не меньше него.

За мгновение, которое потребовалось сержанту, чтобы выкрикнуть приказ, Стайк заставил себя выпрямиться и схватить пику. Он толкнул пятками Дешнара, и тот взвился, едва не выбросив его из седла. Ближе к противнику Дешнар перешел на галоп.

Пика Стайка рассекла горло кирасира, и фонтан крови забрызгал всех вокруг алыми каплями. Второго кирасира Стайк ударил в центр нагрудника, выбив из седла, но пика застряла в ребрах и ее вырвало из ослабевшей руки.

Пока он возился с пикой, сержант успел обнажить кривую кавалерийскую саблю и полоснул Стайка по лбу. Стайк пошатнулся в седле, проносясь мимо кирасиров,

наполовину ослепленный собственной кровью. Дернув поводья, он развернул Дешнара к двум оставшимся солдатам. Они сделали то же самое.

На миг наступило затишье. Стайк вытер кровь с глаз. На лбу болтался содранный лоскут кожи. Сержант и солдат изучали его оценивающим взглядом.

Шакал вдруг бросился к павшим кирасирам, подобрал саблю и, перехватив ее обеими руками, побежал на сержанта. Тот, скривив губы, глянул на мальчишку и пришпорил лошадь. Стайк выхватил свою саблю и тоже пришпорил Дешнара, готовый к тому, что Шакала затопчут, как собаку.

В самую последнюю секунду Шакал увернулся от лошади, поднырнул под свободную руку сержанта и, прежде чем тот успел переложить саблю, вскинул свою и воткнул ему под нагрудник.

Последний кирасир повернул голову к павшему сержанту и не заметил летящую к его горлу саблю Стайка.

Весь бой длился меньше тридцати секунд. Задыхаясь, Стайк вцепился в Дешнара. Все кости и мышцы горели огнем. Смертельно раненый и наполовину выброшенный из седла сержант в замешательстве смотрел на Стайка, пока Шакал не повалил его на землю и не закончил начатое свирепой вспышкой стали. Стайк наблюдал, прижав ко лбу носовой платок, чтобы остановить кровь, и глотая воду из бурдюка.

– Молодец, – сказал он.

Очень рискованно прыгать перед мчащейся лошадью.

Шакал только кивнул, проверяя, мертвы ли остальные три кирасира.

– Тебе надо взять одну из лошадей, – добавил Стайк.

Он вытер кровь с лица и снова прижал платок к ране. Было ужасно больно, но, похоже, все не так плохо, как кажется на первый взгляд. Лоскут кожи легко пришить обратно, нужно лишь пока его придавить.

– Мне не нужна лошадь, – отозвался Шакал.

Стайк оглядел четырех лошадей. Одна пострадала, когда ее хозяин пал от его пики. Другая сбежала и как раз скакала через поля. Третья и четвертая были вполне приличными верховыми. Он указал на вороную.

– Мне плевать. Возьми вот эту.

– Я не умею ездить верхом.

– Тогда веди ее в поводу. Ездить научу позже.

Он отвернулся, не дожидаясь ответа, и тронул Дешнара, желая поскорее убраться подальше. На мили вокруг тянулись хлопковые поля, спрятаться почти негде. Нужно уйти с плантаций и укрыться где-нибудь на пересеченной местности, пока тело не очистится от яда. Пропавших кирасиров скоро хватятся и начнут искать.

Через несколько сотен ярдов Стайк оглянулся через плечо. Шакал догонял его с мрачным выражением на лице, ведя за собой вороную лошадь. Лихорадочные мысли Стайка прервались отдаленным ржанием, он вскинул голову. Примерно в полумиле дорогу преграждали всадники, пристально наблюдая за ним издали.

Их было много. Человек пятнадцать и еще больше сзади.

– Шакал, – кивнул на всадников Стайк.

– Вижу.

– Уверен, что хочешь остаться? Скорее всего, им плевать, если ты сбежишь прямо сейчас.

Шакал обдумал предложение.

– С тобой удача.

– Я до сих пор не понимаю, какой бездны это втемяшилось тебе в голову.

Стайк потянулся за пикой, от слабости едва не вывалившись из седла. Он не спускал глаз со всадников. Они оставались на месте. Стайк перевел взгляд на Шакала: лицо пало было серьезным.

– Я вернулся к трупам убийцы, пока ты спал, – сказал тот. – Нашел у нее корень залежника. Ты должен был умереть сегодня утром.

У Стайка не было времени размышлять о корне залежника. Он снова посмотрел на всадников вдаль. Возможно, это не охрана губернатора. Возможно, это путники, наемники или колонисты. Возможно, кто-то из них видел, как он расправился с кирасирами, и теперь весь отряд медлит в нерешительности. Он всматривался в них, пытаясь сфокусировать взгляд.

Через несколько напряженных мгновений один из всадников отделился от отряда и рысью поскакал к ним. Стайк собрался с силами, выпрямился в седле и опустил пику. Когда он перевел взгляд обратно на всадника, то не удержался от смеха.

– Добрый день, майор, – крикнул капитан Блай. – Я собирался предложить помощь, но ты, похоже, и сам прекрасно справляешься.

***

– Что вы тут делаете? – спросил Стайк.

Они с уланами расположились лагерем в ложбине на некотором расстоянии от убитых кирасиров, спрятав лошадей в ивах и не решаясь разжечь костер, чтобы не привлекать внимания.

Блай привел с собой примерно половину отряда – сто шестьдесят семь уланов и двадцать три кирасира Кардина, включая самого Кардина. Все в гражданской одежде, однако вооруженные до зубов. Они главели на Стайка как на диковинку или юродивого, и поэтому ему хотелось отослать их прочь.

– Мы пришли помочь. – Блай раскуривал трубку.

– По-моему, я велел тебе защищать Фернхоллоу.

– Мы увидели кезанцев в двадцати милях к северу от города и поехали за ними в твою сторону. Во всяком случае, некоторые из нас.

– Почему?

Стайк чувствовал, как силы его покидают. Все сильнее клонило в сон. Лоб по-прежнему кровоточил, а проклятая лихорадка не утихала. Если он не отдохнет, то сдохнет. Сейчас ему не до помощников: большой отряд привлечет гораздо больше внимания, чем один человек. Он почти озвучил эту мысль, но один взгляд на обращенные к нему лица заставил его передумать.

Блай пыхнул трубкой, выпустив колечко дыма, и обменялся взглядом со Стайком.

– Ты хочешь убить губернатора.

– И что?

– И то. Я знаю, что ты сам Бен Стайк, но личная охрана губернатора – это слишком даже для тебя. Тебе нужна помощь, и мы хотим ее оказать.

А вдруг они предатели и явились, чтобы внушить ему ложное чувство безопасности, а затем убить? Обычно Стайк не страдал паранойей, но терзавшая разум лихорадка породила такие мысли, от которых он раньше просто отмахнулся бы.

– Почему? – снова спросил он.

– Они убили Черри, – невозмутимо произнес Блай.

Стайк даже не сразу понял. Черри – племянница Блая. Четырнадцатилетняя девочка, щелкавшая цифры как орешки. Брат Блая копил деньги, чтобы отправить ее в университет.

– Один из них убил моего приятеля Семма, – нарушил тишину еще кто-то.

– Сожгли мою ферму.

– Томми больше никогда не сможет ходить, – раздался голос из задних рядов.

Звучали имена, вспоминались преступления. Любопытство и озабоченность на окружающих лицах сменились откровенной злостью. Стайк заставил себя придержать язык за зубами, пока замедленные болезнью мысли ворочались в голове. Эти люди злы. Это солдаты, потерявшие друзей, имущество, семью и любимых из-за мстительного придурка губернатора, который не смог смириться с мыслью, что его попросили из маленького сонного городка.

– Вы уже всё решили? – спросил Стайк.

– Да, всё.

Стайк подумал о ресурсах, которыми располагает губернатор, – о тысячах солдат, которых он может вызвать из Лэндфолла в дополнение к личной охране. Подумал об избранном, состоящем при губернаторе, потом припомнил свой собственный план действий и решил, что, наверно, шансов на успех не так много, как ему казалось.

– Найди кого-нибудь, пусть зашьет мне лоб, – проворчал Стайк. – Что ж, будем драться. И скорее всего, все умрем.

Он мрачно рассмеялся над своими словами.

– Что тут смешного? – спросил Блай.

– Нам нужно название для отряда. Будем кричать его, когда будут пытаться убить нас, кого не убьют.

***

– У Сирода есть избранный, – сказал Блай Стайку утром.

Ночной сон сотворил чудеса. Лихорадка почти полностью прошла, а боль в мышцах сменилась слабостью, как при обычной простуде. Уланы сворачивали лагерь, ворча по поводу росы на траве, жары, отсутствия мяса и костра. Поразительно, но их до сих пор не обнаружили.

Шакал притаился неподалеку, наблюдая за Стайком. Стайк помнил, что, просыпаясь ночью, видел открытые глаза сидящего в темноте мальчишки.

– Я думал об этом, – отозвался он. – Пытаюсь придумать, как с ним справиться.

Посмотрев на Шакала, он спросил:

- Ты когда-нибудь спишь?
- На ходу, – отозвался пало.
- Удобно.

– Летом я работал на хлопковых полях по восемнадцать часов. Нужно было как-то спать.

– Дерьмовый способ приобрести хорошую привычку, – прокомментировал Блай, смерив Шакала взглядом. – Почему у него есть лошадь, а он на ней не ездит?

- Спроси его сам.
- Почему у тебя есть лошадь, а ты на ней не ездешь?

Шакал отшатнулся от вопроса, словно его ударили. На лице появилось уже знакомое Стайку угрюмое, злое выражение, рука сжалась в кулак. Очевидно, эта тема куда более щекотливая, чем предполагал Стайк.

– Никто не учил его ездить верхом, – вмешался Стайк. – Он спас мне жизнь, и я пообещал, что научу, когда все закончится.

Каким бы задирой ни был Шакал, если он замахнется на Блая, ему не поздоровится.

- Я не хочу учиться, – сказал Шакал.
- Хреново. Если хочешь следовать за мной, придется научиться ездить верхом.

Стайк повернулся к Блаю:

- Что ты знаешь об избранном Сирода?

Блай задумчиво посасывал трубку, выпуская дым из ноздрей.

– Его зовут Бирутка. Не самый сильный избранный – у него есть способности к исцелению, но не более того. Он чем-то разозлил короля, и его сослали сюда. – Блай постучал себя по виску. – Я слышал, что он немного туповат, но... не стоит недооценивать избранного. Не очень хорошая идея.

По маленькому лагерю пронесся негромкий окрик, и Стайк вскочил на ноги, инстинктивно подавшись к Дешнару. Парень по имени Гредейн, немногим старше Шакала и совсем недавно появившийся в отряде, бежал от края ложбины.

- Двести кезанских кирасиров прочесывают поля, – доложил он, запыхавшись.

Стайк принялся быстро седлать Дешнара, пока Блай выбивал трубку.

- Нас заметили? – спросил Стайк.

– Вряд ли они знают, что мы здесь. У них губернаторские перышки, и действуют они медленно и аккуратно.

Стайк встретился взглядом с Блаем.

– Они все еще ищут одного человека. Ублюдки думают, что я просто буду сидеть на хлопковом поле и ждать их? Поднимай остальных.

Он закончил седлать Дешнара и подъехал к краю ложбины. Отряд кирасиров рассредоточился по всему полю. Лошади вышагивали между рядами хлопка, всадники время от времени хлестали кусты стеками. Даже издалека было видно, как им скучно.

Через несколько минут кирасиры доберутся до ложбины, после чего либо спустятся в нее по узкой тропинке – что вполне вероятно, если они настроены серьезно, – либо продолжат путь по полю.

Но Стайк не собирался оставлять им выбор.

Он сделал несколько глубоких вдохов, собираясь с силами. Еще чувствовалась слабость от лихорадки и ран. Но теперь у него есть помощники, и надо воспользоваться преимуществом и с помощью уланов закончить все по-быстрому.

Он поднял руку:

– Держитесь тихо и следуйте за мной.

Отряд вышел из ложбины с противоположной стороны и под прикрытием густых ив сделал петлю, оказавшись далеко за линией вражеских поисковиков. Стайк пересек стекающий в ложбину ручей и повел отряд обратно к ивовой роще.

Он заметил Шакала, который держался в хвосте отряда, послушно ведя в поводу захваченную лошадь.

– Оставайся здесь, – приказал он, подъехав. – Если кто-нибудь из них побежит сюда, бей по лицу веткой.

Стайк вернулся к краю рощи, где к нему присоединились Блай и Кардин.

– Ты можешь уйти, – сказал он Кардину.

Лицо Кардина было пепельно-серым.

– Прост был злым человеком. Сирод не лучше. Когда я пошел в армию, то думал, что буду сражаться против таких людей, а не за них. С этого дня все изменится.

Стайк позволил словам повиснуть в воздухе, затем повернулся к Блау.

– А ты уверен, что хочешь участвовать?

– Мы уже совершили измену, убив королевских солдат, – ответил Блай. – Заодно можно убить и губернатора.

– Годится. Пики наизготовку, ребята, – крикнул Стайк через плечо.

Послышался скрип кожи, и Стайк развернул Дешнара к хлопковому полю.

От края ивняка до спин кезанских кирасиров было около ста ярдов. Стайк пустил Дешнара в галоп, чувствуя, как радуется могучее животное. Сзади слышался стук копыт – уланы скакали следом.

Обычно Стайк сначала разряжал в противника карабин, чтобы ослабить его перед схваткой, а потом в последний момент нацеливал пику. Однако в этот раз он не собирался привлекать внимание ближайших солдат звуками выстрелов.

Их заметили в семидесяти ярдах. Испуганно перекрикиваясь, кирасиры попытались развернуться. До них оставалось двадцать ярдов, когда большинство повернулись к нападавшим лицом, некоторые даже обнажили сабли. Прогремел единственный выстрел из карабина, и уланы врезались в редкую цепь растерянной кавалерии. Звон стальных наконечников пик о кирасы быстро сменился воплями людей и лошадиным ржанием.

Слаженная атака уланов – сокрушительная штука. Кирасиры, несмотря на доспехи, падали как подкошенные. Стайк убил троих пикой и еще одного саблей и, оказавшись позади вражеского строя, неторопливо развернул Дешнара для новой атаки.

Вторая атака превратила кирасиров в беспорядочную толпу, большинство разбежалось по полю. Лишь небольшая горстка храбро сбилась в круг над телом командира. Эти пали после третьей атаки.

Не обремененные доспехами лошади уланов играючи догоняли бегущих кирасиров. Зрелище жалкое, но необходимое, и Стайк ждал у тела их командира, пока добьют последних врагов.

– У нас трое убитых, – вскоре доложил Блай, присоединившись к Стайку посреди поля. – Восемнадцать раненых, все легко.

Стайк оглядел мертвых и умирающих кирасиров, многие из которых умоляли о помощи или об избавлении от страданий. Несколько уланов бродили среди них; одни предлагали то самое избавление, другие насмехались. Некоторые просто смотрели, как рыдают раненые.

– Все прошло хорошо, – сказал он. – Не для них, конечно.

Стайк поднял голову, разминая шею, все еще думая о вчерашней лихорадке. Кости до сих пор ломило. Еще одна схватка оставит его без сил. Он повел носом, глубоко вдохнул, воображая, что может уловить запах серы.

– Как далеко мы от особняка губернатора?

– Четыре мили, плюс-минус, – ответил Блай.

– А сколько всего людей в его личной охране?

– Думаю, пятьсот. Он может удвоить это число, запросив подкрепление в гарнизоне Лэндфолла, или просто вызвать сюда всю армию. После истребления этого отряда у него осталось человек триста, и они будут искать тебя небольшими группами.

Стайк прикинул варианты. Большая часть охранников, как и эти несчастные ублюдки, будет бродить по полям в поисках Стайка. Сирод оставит при себе человек пятьдесят-шестьдесят на случай, если Стайк предпримет какую-нибудь глупость, а затем... Он отбросил эту мысль. Нет, не станет он держать при себе никого. В этом нет необходимости.

– Хочешь поохотиться? – спросил он Блая.

– Больше всего на свете.

– Хорошо. Веди парней по дуге вокруг особняка. Убивайте любого, кто носит кезанскую форму. Если будут превосходить вас числом, поиграйте с ними в догонялки.

Блай нахмурился.

– А ты что собираешься делать?

Стайк подумал о том, что Блай рассказал ему о личном избранном Сироде. Для большинства людей не важно, силен избранный или нет: одной их репутации достаточно, чтобы обходить стороной. Но Стайк – не большинство. Все, что ему нужно, – это твердое намерение и хороший нож. У него есть и то, и другое.

– Вы выманите его охрану на себя. А я убью избранного.

***

Стайк проигнорировал возражения Блая и поскакал напрямик к особняку губернатора. В нескольких сотнях ярдов от маленького поля битвы он вспомнил о Шакале и обернулся. Пало следовал за ним в отдалении, ведя в поводу лошадь, на которой не умел ездить.

Стайк вернулся к нему.

– Тебе лучше уйти. Сегодня пешему со мной не по пути.

– Ты поклялся научить меня ездить верхом, – бесстрастно произнес Шакал.

Уголок рта Стайка дернулся.

– Ты же сказал, что не хочешь.

– Я хочу посмотреть, – раздельно произнес Шакал, – как ты убьешь избранного.

Ради этого я потерплю и поучусь ездить верхом.

Стайк поразмыслил над его словами.

– Вполне справедливо.

Дальше они двигались медленно: пересекали поля, следуя небольшим заросшим ручьям, разделявшим плантации, и использовали гребни холмов как прикрытие. Почти весь оставшийся день ушел на то, чтобы добраться до губернаторского поместья. Обогнув его, они приблизились к особняку со стороны густого старого леса, который служил губернатору частным охотничьим угодьем.

Время от времени в лесу слышался лай гончих, но каждый раз казалось, что он удаляется в противоположном направлении.

Когда солнце начало садиться, Стайк привязал Дешнара к дереву рядом с безымянной лошадью Шакала, прокрался к опушке леса и стал следить за особняком. Солнце светило ему в спину, и он был уверен, что никто их не заметит.

Они лежали в прошлогодних листьях, изредка отмахиваясь от мух. Тени постепенно удлинялись, пока тень самого леса не коснулась особняка.

– Что мы хотим увидеть? – наконец спросил Шакал.

Стайк постучал пальцем по носу.

– Не увидеть. Унюхать.

Шакал ответил озадаченным взглядом.

– У меня есть дар, – объяснил Стайк. – Незначительная способность. Благодаря ей я чую магию. Не слишком полезно, если подумать, но иногда может пригодиться.

Он повел носом по ветру и глубоко вдохнул. Запах серы, который он представлял себе несколько часов назад, теперь стал реальным. Он вдохнул еще несколько раз.

– Там избранный.

– Если ты одарен, то разве не можешь просто его увидеть?

– Никогда не пробовал. Не было необходимости. Пошли.

Когда солнце наконец спряталось за горизонтом, Стайк и Шакал двинулись к особняку под прикрытием небольшого холма, ведя лошадей в поводу. Подкравшись ближе, они привязали лошадей в рожице всего в паре сотен ярдов от восточного крыла и оттуда направились к конюшням. В конюшнях было пусто, не считая горстки скаковых жеребцов.

– Выпусти их, – скомандовал Стайк, – и проследи, чтобы они убрались подальше.

Шакал убежал выполнять приказ, а Стайк притаился в сене. Короткий отдых не помешает. Он глубоко вздохнул, настраиваясь на неизбежное насилие и надеясь, что силы не подведут. Против избранного понадобится все до последней капли и еще немало удачи.

Прождав, по ощущениям, достаточно, он чиркнул спичкой и поднес ее к сухой соломе.

Взвилось пламя. Стайк выбежал из конюшни, ухватил Шакала за руку и хорошенько шлепнул последнего жеребца, чтобы тот пустился вскачь. Из особняка почти сразу послышались крики. Стайк и Шакал срезали путь через темный двор к самому концу восточного крыла, где подождали, пока пламя полностью поглотит хозяйственные постройки и привлечет внимание всей прислуги, после чего проскользнули внутрь через дверь в сад.

Стайк на мгновение задержался на пороге. Остановил Шакала, положив руку ему на грудь.

– Смотри в оба. Из этой комнаты тебе должен быть виден парадный вход. Следи, если Сирод уедет или его охрана вернется. – Он сунул Шакалу свой карабин. – Выстрели в воздух, если увидишь их. – И с этими словами пошел дальше.

Дом был огромным, коридор для прислуги вдоль восточного крыла мог соперничать по длине с учебным плацем. Царила темнота, если не считать нескольких газовых ламп и пляшущих отсветов пожара в редких высоких окнах. Стайк задерживался возле каждого окна, проверяя, не появились ли во дворе знакомые фигуры. Слуги тушили огонь, напоминая ему жителей Фернхоллоу, которые пытались сделать то же самое, но в итоге погибли.

Стайку не было дела до слуг. Ему нужен только один человек и его избранный телохранитель.

Наконец он добрался до конца коридора и остановился, прислушиваясь к крикам, доносившимся, как он догадался, с кухни. Попытался сориентироваться, прикинул планировку дома. Запах серы здесь чувствовался сильнее. Избранный близко.

Стайк скользил от одного дверного проема к другому и вскоре заметил сбежавшихся на кухню слуг. Старшая горничная кричала, чтобы несли ведра и тазы, и отправляла всех парней к садовым насосам. Несколько служанок скорчились у окна, наблюдая за пожаром и перешептываясь.

Последний взгляд в окно заставил Стайка замереть. Он увидел одинокую фигуру – широкоплечего мужчину шести футов ростом или чуть выше, с распростертыми руками шедшего навстречу пламени. Пока Стайк смотрел, запах серы в ноздрах усилился. Пламя, охватившее сарай, вдруг дрогнуло, словно налетел невидимый ветер, и начало стихать.

Избранный Бирутка.

Стайк не знал, сколько времени понадобится избранному, чтобы справиться с огнем. Он поспешил по коридору дальше, поглядывая по сторонам и тихо приоткрывая каждую дверь – проверить, что внутри. Общая планировка у таких особняков одинаковая, а значит, кабинет располагается в центре дома, может, чуть ближе к одному из крыльев.

Стайк нашел его, не прошло и минуты: мягкое газовое освещение, встроенные полки из красного дерева и кресла с подголовниками. Он молча толкнул дверь, затем закрыл ее за собой и вперил взгляд в человека, сидящего в одном из кресел.

На Сироде был халат поверх пижамы, в руке трубка. Оторвавшись от книги, он глянул на Стайка как на блохастую псину, только что пробравшуюся на кухню. Приподнял бровь, в отвращении скривил губу. Стайку стало интересно, как он выглядит

со стороны – маячит в тусклом свете с зашитым лбом, с пятнами засохшей крови на мундире и рубашке. Сирод медленно закрыл книгу и положил на колени.

– Бездна, это еще что?

Стайк шагнул в комнату.

Сирод резко вдохнул.

– Это ведь ты? Да, я узнал тебя! Ты из той проклятой деревушки. Улан, который напал на моего брата.

Стайк огляделся. Над каминной полкой висело позолоченное охотничье ружье, но другого оружия видно не было. Удивительно, как спокойно Сирод воспринял появление в его кабинете гиганта-убийцы.

– Ты получил мое послание?

– Послание? – эхом отозвался Сирод.

– Сундучок.

На лице Сирода отразилось отвращение.

– Ты имеешь в виду руки, ноги и голову моего брата?

Сирод сузил глаза, сложил руки «домиком» под подбородком. Он был спокоен и собран, но Стайк видел тлеющий огонь в его глазах.

– Да, получил. Ты чудовище, Стайк.

– От чудовища слышу.

– Ты считаешь чудовищем меня?

Сирод, казалось, искренне удивился.

– Ты приказал уничтожить целый город только потому, что тебя оскорбили.

– Мой долг – следить за порядком. Пример Фернхоллоу мог подвергнуть опасности всю империю. Что такое жизни тысячи простолюдинов по сравнению с судьбой империи? Исполнять свой долг – не преступление.

– Да? Твой брат все испортил. Он не уничтожил ни меня, ни гарнизон. Только сделал все еще хуже. В радиусе ста миль от Лэндфолла всем известно, что он натворил и что именно ты отдал приказ.

Сирод на мгновение задумался, потом слегка пожал плечами.

– Возможно, ты прав, я слишком остро отреагировал. Люди совершают ошибки. Военное положение заставит их забыть о случившемся.

– Это не ошибка. Просто доказательство того, что ты кусок дерьма.

Стайк вытащил нож Рези.

Сирод заерзал в кресле. Стайк шагнул к нему, и на лице Сирода промелькнул неподдельный ужас.

– Хочешь убить меня?

– Совершенно верно.

– Я губернатор этого региона!

– А как по мне, так мертвец.

До Сирода оставались считанные футы, когда Стайк почувствовал дуновение ветра на шее и его ноздри наполнились запахом серы. Он развернулся и со всей силы метнул нож в избранного, который открыл дверь за его спиной.

Слабый хлопок, и нож Рези разлетелся на тысячу осколков. Не дожидаясь, пока осколки упадут на пол, Стайк со всех ног бросился на избранного. Всего через пару шагов нечто, напоминающее мощный ветер, сбило его с ног и швырнуло о стену.

От удара вышибло воздух из легких. Каждая косточка задребезжала, когда он, как пушечное ядро, пробил одну стену, другую, третью. В конце концов его движение замедлил стол. Деревянная ножка раскололась, когда он врезался в нее голенью, и Стайк окончательно замер в облаке штукатурки.

Несколько мгновений он лежал неподвижно, восстанавливая дыхание. Все тело болело. Он попытался сосредоточиться: заставил себя пошевелить руками, подтянул их под грудь, чтобы встать на колени, а затем, если ничего не сломано, – на ноги. Так он мог продолжить сражаться. Пока он поднимался, до него донесся громкий разговор через несколько комнат.

– Простите, что опоздал, милорд.

– Во имя Кресимира, Бирутка, какой бездны ты это устроил?

– Чистый инстинкт, милорд. Хотел поскорее убрать его от вас. Вы же видели, что он сделал с вашим бедным братом.

Сирод вздохнул так, словно вскинул руки.

– Ладно. Иди убей псину. Покончи с ним, и мы спокойно разберемся с ситуацией с Линдет.

Стайк наконец встал на колени. Взгляд его снова сфокусировался, дыхание выровнялось, и он увидел, что находится на кухне. Одна-единственная кухарка в грязном фартуке выпучила на него глаза, а потом с громким криком убежала. Стайк подполз к ближайшему столу и, используя его как опору, встал на ноги.

Не успел он поднять голову над столом, как увидел, что Бирутка заглядывает в дыру, проделанную телом Стайка в стене. Избранный был широкогрудым и крепким. Вытянув руки, он обогнул стену и вошел в кухонную дверь.

– Еще жив? Еще шевелишься. Очень впечатляет.

Стайк нащупал мясницкий нож и швырнул его в избранного. Бросок вышел слабым, и нож, не причинив вреда, стукнулся о дальнюю стену слева от Бирутки. Стайк покачал головой, все еще пытаясь прояснить зрение, и тяжело навалился на стол.

– Слышал, дерьмовый ты избранный.

Бирутка замер, удивленно моргая.

– Где ты это слышал?

– Да ходят слухи.

Стайк огляделся в поисках чего-нибудь – чего угодно, – что можно использовать в качестве оружия.

Бирутка сделал несколько шагов вперед и, помедлив, поднял руки. Шевельнул мизинцем, и над его плечом появился огненный шар. Потом шевельнул средним пальцем, и шар метнулся к Стайку. Тот пригнулся, но беспокоиться было не о чем: пламя разлилось по стене за спиной, не причинив вреда так же, как и нож, который он только что бросил. Штукатурка треснула, комнату заполнил дым.

– Вот дерьмо, – громко выругался Бирутка. Он приосанился, надменно выпятил подбородок в сторону Стайка. – Я не боевой избранный, если ты это имеешь в виду. Но это не значит, что я не смогу легко убить тебя.

Он вытянул вперед левую руку, шевельнул мизинцем правой. Стайк почувствовал легкий ветерок на шее и приготовился к тому, что его снова швырнет о стену.

Удара не последовало. Бирутка секунду таращился на свои руки, потом встряхнул их и повторил жест. Снова ничего не произошло.

За плечом Бирутки появился Сирод.

– Ты поджег дом, – пожаловался он. – Ты и правда идиот.

Бирутка скривился, и Стайку захотелось рассмеяться. Настолько глупые избранные ему еще не встречались. Он сделал полшага вперед, не обращая внимания на пламя, разгорающееся позади, и схватил железную сковородку. Бирутка сменил стойку, его пальцы дернулись, еще один огненный шар появился над плечом и устремился к Стайку. Стайк отмахнулся от него, будто они с избранным играли в теннис, и огонь вспыхнул над одним из ближайших окон. Не рассчитавший сил Стайк врезался в плиту, с грохотом посыпались кастрюли и сковородки.

– Ты что творишь? – требовательно спросил Сирод у избранного.

– Я разберусь, милорд, – резко ответил Бирутка. – Переночуйте в музее.

Бирутка прошел через кухню, сердито одергивая перчатки. Сирод скрылся.

– Ты доставляешь неудобства, майор Стайк, – сказал Бирутка.

Следующий магический удар застал Стайка врасплох: порыв ветра ударил в живот с такой силой, что он готов был поклясться – сломалось ребро. Сковородка вылетела из руки, а сам Стайк отскочил от плиты и, размахивая руками в поисках опоры, рухнул на большой железный котел из тех, в которых повара готовят суп для всей домашней прислуги.

Бирутка, явно раздосадованный, быстрым шагом сократил расстояние между ними и потряс пальцами обеих рук.

Собрав все силы, Стайк поднял гигантский котел, замахнулся им, пока Бирутка обходил стол, и обрушил на избранного. Тот вскинул руки, защищаясь. Стайк почувствовал, как котел обо что-то ударился, после чего вдруг вырвался у него из рук, пролетел через всю кухню и упал со страшным грохотом. Стайк отшатнулся к плите.

Бирутка уставился на свою левую руку. Котел врезался в его пальцы в тот самый миг, как магия отправила его в полет. Кисть оказалась согнута под неестественным углом, костяшки – разбиты. Сквозь белые перчатки проступила кровь. Избранный ошеломленно заморгал.

– Ты начинаешь ...

Стайк едва держался на ногах, в глазах двоилось. Схватив сковородку, он саданул Бирутке по голове, прежде чем тот успел закончить фразу.

Избранный рухнул, и задыхающийся от дыма Стайк остался на кухне один. Он бросил сковородку на тело и проковылял в коридор, ища Сирода. Вместо него нашел Шакала.

– Что происходит? – спросил Стайк.

– Я стрелял из карабина, но ты не услышал, – ответил Шакал.

– И?

– Сирод сбежал.

– Вот дерьмо.

Борясь с болью и кашей в голове, Стайк заставил себя побежать к парадной двери, но Шакал успел поймать его за руку.

– Он направился к музею.

Стайк повернул обратно и последовал за Шакалом по восточному крылу, останавливаясь передохнуть каждые несколько десятков ярдов. Слуги метались взад-вперед, из-за пожара на кухне поднялась общая тревога, и казалось, что на Стайка никто не обращает внимания. Он выскочил из двери в сад и поспешил к роще, где они спрятали лошадей. Пока они бежали, Шакал указал в темноту, и Стайк разглядел силуэты нескольких всадников, скачущих к музею в углу поместья.

Стайк отвязал Дешнара и взгромоздился в седло. Через несколько мгновений они выскочили из рощи и поскакали галопом в темноту вслед за Сиродом.

Стайк пригнулся, подгоняя Дешнара, и перестал его контролировать. Земля под ними словно растворилась, ноги Дешнара превратились в размытое пятно. Они летели над землей, и конь будто чувствовал внезапное нетерпение, растущее в груди Стайка. Горячий ночной воздух хлестал его по лицу, выжимая слезы.

Охваченный полубессознательной яростью, Стайк понял, что ножа, единственной вещи Рези, которую он сохранил, больше нет. От Рези останутся лишь туманные воспоминания, и ничего не изменить. Пока Дешнар рвался вперед, Стайк размышлял, есть ли во всем этом смысл – было бы важно Рези, что он сделал. Или не сделал. Может, стоит развернуть Дешнара и навсегда исчезнуть в ночи, и пусть Сирод гадает, куда подевался человек, убивший его брата и личного избранного.

Стайк подумал об уланах, которых отправил отвлечь охрану Сирода. Живы ли еще Блай, Кардин и остальные? Он прогнал эти мысли, еще сильнее прижавшись к шее Дешнара и ощущая, как перекачиваются его мощные мускулы. Вдохнув запах боевого коня, он зачерпнул у него силу, а потом сосредоточился и взял пику наизготовку.

Стайк догнал Сирода и его немногочисленных охранников меньше чем в пятидесяти ярдах от факелов, горевших в высоких окнах музея. Проткнув одного охранника, он бросил пику и полоснул саблей по хребту другого. Его крик предупредил остальных, и к Стайку повернулись еще трое.

Он прошел их, как нож сквозь масло: первому отрубил руку, пока тот вытаскивал саблю, второго полоснул по шее, а лошадь третьего опрокинул, напустив Дешнара. Дешнар за все это время едва ли сбился с шага, и через несколько мгновений Стайк оказался у крепкой двери из железного дерева. Сирод захлопнул ее у него перед носом.

Стайк ударил в дверь рукояткой сабли, потом плечом – снова и снова. Дверь не поддавалась, несмотря на всю его силу. Нахлынули разочарование и нетерпение. Затолкав их поглубже, Стайк вернулся в седло и развернул Дешнара задом к двери.

Два мощных удара подкованных сталью копыт – и дверь разлетелась в щепки. Снова спешившись, Стайк с помощью сабли расчистил проход и шагнул внутрь.

Ублюдок остался один.

Музей выстроили в подражание древним крепостям Девятиземья, и больше всего это чувствовалось у парадного входа. Толстые каменные стены, потолки высотой четырнадцать футов, вдоль всего коридора, подобно королевским гвардейцам, выстроились навтыжку полные латные доспехи. Помещение освещалось газовыми лампами, выполненными из бронзы в виде факелов. Складывалось отчетливое впечатление, что крепость выглядела именно так лишь в представлении архитектора, а не на самом деле.

Стайк подошел к первой двери. За ней обнаружился зал ярдов тридцати в длину с такими же лампами и двадцатифутовым потолком. Стены украшали картины, между которыми стояли пьедесталы с древними бюстами, отбрасывая длинные тени. Других выходов из зала не было, поэтому Стайк двинулся к следующей двери.

Во втором зале тема была другая, явно что-то чужеземное: древние каменные плиты и дюжина саркофагов вдоль стен. На низких подставках лежали даже кости, а в самом зале будто пахло песком. Стайк двинулся дальше, старательно переставляя ноги, чтобы не споткнуться. Силы убывали с каждым шагом.

Каждый следующий зал украшали произведения искусства и экспонаты из определенной страны. Но за исключением первого зала и еще нескольких картин, которые он видел в музее Лэндфолла лет десять назад, все было незнакомо. Чужеродная и странная экзотика, даже удивительно, как вообще пришло в голову такое собирать. «Эго», – подумал Стайк.

Все это место смердело магией – резкий металлический запах хоть и отличался, но напомнил всевидящего-пало, с которым он познакомился в пограничье. С каждым шагом запах усиливался.

Из предпоследнего зала послышался грохот, и Стайк направился туда, держа саблю наготове. Возле двери прижался спиной к стене и прислушался. Раздался какой-то странный звук – треск, за которым последовало несколько быстрых щелчков. Стайк шагнул в дверной проем и вскинул саблю.

Звякнула тетива, и что-то с громким чавком ударило Стайка прямо в грудь, вышибив дух. Он отшатнулся на несколько шагов и опустил глаза: из груди всего на дюйм-два выше сердца торчал короткий оперенный болт.

Борясь с болью и пытаясь сморгнуть слезы, Стайк поднял голову. Сирод крутил лебедку на старом арбалете. В нос ударил все тот же металлический запах магии. Зал за спиной Сирода был уставлен манекенами в древних доспехах, а стены буквально покрыты разным оружием.

Сам Сирод надел один из таких доспехов – правда, только наспех застегнутый нагрудник и шлем с поднятым забралом. Он широко раскрыл глаза и гневно скалил зубы, как будто его оскорблял сам факт того, что необходимо защищаться.

Сирод начал вращать лебедку быстрее. Стайк положил руку на арбалетный болт, но не решился вытаскивать его самостоятельно. При малейшем движении мышцы груди и плеча разрывала невыносимая боль, по лицу текли слезы. Он мотнул головой и со стоном шагнул вперед.

Щелк-щелк.

Стайк сделал еще один шаг, более болезненный, чем предыдущий, потом еще один и еще, пока расстояние между ним и Сиродом не сократилось вдвое. Тетива арбалета со щелчком встала на место, и Сирод завозился с болтом. Стайк резко вздохнул, отчего боль прошла все тело, и бросился вперед, вложив в удар оставшиеся силы.

Сабля врезалась в нагрудник Сирода. Силы доброй стали должно было хватить, чтобы пробить древнюю броню, однако вместо того, чтобы пронзить Сирода насквозь, клинок отскочил от нагрудника, словно от наковальни. По залу разнесся лязг металла.

Сирода отбросило назад, и он выронил арбалет.

Стайк снова и снова рубил по броне, пока хватало сил поднимать саблю, потом не удержался на ногах и налетел на Сирода. Извернувшись, он приземлился на здоровое плечо и охнул от боли. Сирод пошатнулся, а затем рухнул на пол рядом с ним.

– Зачарованные доспехи? – спросил Стайк, осознав, почему металлический запах магии пропитал здание.

– Тебе никогда их не пробить! – Сирод вскочил и подался к оружию на стене.

Стайку удалось в последний раз взмахнуть саблей, аккуратно перерезав сухожилие правой ноги Сирода. Губернатор завопил и рухнул на пол. Он продолжал рыдать, пока Стайк с трудом поднялся на колени, дополз до него и, опираясь на нагрудник Сирода, выпрямился.

– Не надо было сжигать Фернхоллоу.

Сирод выглядел скорее разозлившимся, чем страдающим от боли. Он часто дышал, на губах выступила слюна.

– Почему ты не сдох?

– Меня часто об этом спрашивают.

Стайк встал над губернатором, расставив ноги. Взялся за шлем и поднял голову Сирода так, чтобы они смотрели друг другу в глаза.

– Ты просто кусок дерьма. Ты это знаешь? Ты хоть понимаешь?

– Я губернатор Лэндфолла, – закричал Сирод, брызгая слюной. – Отпусти меня!

Стайк резко повернул голову Сирода. Теперь на него смотрела задняя часть зачарованного шлема, тело дернулось и обмякло.

– Зачарованные доспехи или нет, – Стайк постучал по шлему, – а все мы смертны.

***

– Слышал я об этом месте, – сказал Шакал несколько минут спустя.

Он небрежно оглядывал похожий на сокровищницу оружейный зал музея, будто Стайк не истекал кровью из арбалетной раны в нескольких футах от него.

Стайк хмыкнул, не переставая давить на сердце под самой раной и надеясь, что проклятая штукавина не задела ничего жизненно важного, пока он ее вытаскивал. Он уставился на тело Сирода, все еще в доспехах. Интересно, сколько времени потребуется, чтобы снять их и насадить Сирода на какое-нибудь копьё из его дурацкой коллекции. Можно выставить тело у входа в музей на всеобщее обозрение.

Прямо сейчас это казалось трудной задачей.

– Это ведь кавалерийские доспехи, – заметил Шакал.

Стайк удивился его осведомленности.

– Да, знаю.

Он хмуро глянул на ближайший доспех, оценивая изящные линии. Интересно, когда его изготовили и зачаровали. Насколько он понимал, нынешние избранные способны на такое, но считают, что чары ниже их достоинства – просто не стоят их драгоценного времени. И если эти чары до сих пор действуют, значит, их создал могущественный избранный.

– Дай-ка мне этот нагрудник.

Несколько мгновений Шакал возился с застежками, после чего принес нагрудник Стайку. Было больно даже поднять руки, но Стайк взял нагрудник и осмотрел его. Ни царапинки. Это может пригодиться.

По каменному полу коридора застучали сапоги. Стайк повернул голову к двери и потянулся за саблей, но успокоился, увидев в проеме знакомое лицо и желтый кавалерийский мундир. Один из его уланов, рядовой по имени Петир, резко остановился при виде кровавой бойни.

– Докладывай, – выдавил Стайк.

– Сэр, потери значительные, но мы думаем, что уничтожили большую часть охраны губернатора. Мы нигде не можем найти ни самого губернатора, ни его избранного, но... – Он замолчал, глядя на тело со свернутой шеей. – Это Сирод?

– Да. Собери всех, кто остался. Надо валить отсюда, пока за нами не погнался весь гарнизон Лэндфолла.

– Да, сэр.

– Найди мне немного роговика. Болит зверски.

– Сей момент, сэр. Кажется, у меня в седельных сумках есть немного.

– Хорошо. И еще! Найдите повозки. Заберем все, что сможем унести. Начиная с этих доспехов.

***

– Блай погиб.

После убийства Сирода прошло два дня. Стайк сидел на пне в двух десятках миль к северо-западу от губернаторского особняка. Повозки с сокровищами и припасами выстроились вдоль дороги. Их быстро разгружали на несколько килевых лодок, которые его уланам удалось реквизировать в соседнем городке. За эти два дня он не слышал ни слова о небольшой группе, отбившейся от основного отряда во время схватки с охраной губернатора.

Сообщивший новости Шакал с бесстрастным лицом стоял рядом. Стайк отправлял его на поиски пропавшего Блая и еще тридцати с лишним человек.

– Кто-нибудь выжил? – с надеждой спросил Стайк, прижимая руку к груди и стараясь не обращать внимания на боль от раны, которой наградил его Сирод. Он жевал роговик и втирал его в раны, тогда боль притуплялась и можно было ехать верхом. Еле-еле.

– Не думаю. Некоторые из наших пропали без вести, так что им, возможно, удалось выбраться из боя. Остается только надеяться, что они найдут нас позже.

Нас. Четыре дня вместе, и Шакал уже считает себя одним из уланов. Проклятый мальчишка еще даже не умеет ездить верхом. Стайк усмехнулся и покачал головой, прежде чем погрузиться в мрачные мысли. Капитан Блай был другом – не самым близким, но тем не менее. Хороший офицер и крепкий боец. Его будет не хватать.

– А где Кардин? – спросил Стайк.

Шакал нахмурился.

– Точно не знаю. Несколько его парней сказали, что видели, как он скакал на восток, уводя за собой охранников Сирода. Может, еще жив.

Стайку требовался новый заместитель. Он вряд ли выбрал бы Кардина, практически незнакомца. Но если тот еще жив, то, скорее всего, будет единственным вариантом. По крайней мере, пока.

– Попробуй его найти.

Он прижал руку к груди, и от следующего вдоха мышцы с левой стороны обожгла боль. Проклятая рана наконец перестала кровоточить, но заживать не спешила.

– Сколько нас осталось?

– Восемьдесят два. Семнадцать раненых, но все могут ехать верхом.

Стайк посмотрел на лодки, куда наконец начали заводить лошадей.

– Ехать верхом пока не нужно – только последний отрезок пути до Редстоуна. Будет время подлечиться.

И в лучшем случае, любая погоня, отправленная из Лэндфолла, отстанет.

Наклонившись вперед, Стайк упер подбородок в кулак и погрузился в свои мысли. Его люди продолжали грузить лодки. Стоит ли все это таких проблем? Может, просто распустить отряд и ускакать в закат? Затеряться в горах или податься на север, записаться в «Крылья Адома» и отправиться наемником в Гурлу. Неплохая жизнь.

Но сомнения уже не имели никакого значения. С таким же успехом можно жалеть, что выбрался из постели в то утро, когда Прост решил избить Тель-Айсло. Стайк уже решил, что делать дальше. У него все еще есть обязательства на этом континенте.

– Всадники на дороге! – крикнул кто-то.

Пока Стайк поднимался на ноги, уланы бросили погрузку, похватали сабли и карабины и полезли на возвышенность на противоположной стороне дороги. Стайк снял с седла карабин и стал ждать, внимательно глядя на дорогу.

Вскоре на горизонте показался всадник. Он остановился на гребне холма и повернулся в ту сторону, откуда приехал. Через несколько мгновений к нему присоединились несколько человек, а когда показались еще несколько десятков, у Стайка засосало под ложечкой. Он бросил взгляд на лодки, загруженные едва ли наполовину, и понял, что сопротивления оказать не получится.

– Спускайте на воду эти три лодки, – велел он, с трудом забираясь в седло. – Те, чьих лошадей не успели погрузить, готовьтесь переходить реку вброд. Вперед!

Уланы бросились выполнять приказ, а Стайк пустил Дешнара шагом навстречу всадникам. Проехав несколько десятков футов, он заслонила глаза от солнца, пытаясь разглядеть цвет мундиров. Отряд возобновил движение в их сторону, и вскоре его

любопытство было удовлетворено: желтые и коричнево-зеленые мундиры. Всадники приближались медленно, осторожно.

Три лодки спустили на воду, оставшиеся человек тридцать уланов замерли у дороги, готовые послать коней в реку, если понадобится бежать. Стайк поднял руку, давая им знак подождать, и попытался угадать намерения чужаков по их поведению. Они явно не торопились.

За пятьдесят ярдов он узнал командира. Женщина была в колониальной форме и держала пику, очень похожую на его собственную. Даже расслабленная поза не могла скрыть ее огромного роста – чуть выше Рези, если Стайк правильно помнил. У нее были сильные руки и мощные квадратные плечи. С озадаченным кислым выражением лица она подала своим людям знак остановиться и выехала навстречу Стайку.

Стайк крепче сжал карабин, изучая женщину. Прошло больше двух лет с тех пор, как они виделись в последний раз, и у него остались шрамы от ночи, которую они провели вместе. Он все еще не решил, хорошее это воспоминание или плохое.

– Капитан Флес, – кивнул он.

– К чему такие формальности, Бен?

Стайк фыркнул.

– Как поживаешь, Ибана?

Ибана стащила перчатку для верховой езды и осмотрела ногти.

– Бывало и лучше. Какой-то мудака из Лэндфолла дал мне двести уланов и приказал выследить и убить старого любовника. А как ты? Выглядишь дерьмово.

– Бывали недели и получше, – признался Стайк.

– Я слышала, Рези убили.

Стайк напрягся, пытаясь определить, к чему она ведет.

– Мне всегда нравилась Рези, – добавила Ибана, наморщив лоб. – Она хорошо на тебя влияла.

Стайк ожидал услышать в ее словах нотку горечи, но ее не было и в помине. Он решил не отвечать.

– Итак, – откашлялся он, – двести уланов. Почему ты так долго меня искала?

Ибана втянула воздух сквозь зубы и оглянулась на кавалерию, перекрывшую дорогу позади нее. Никто из них, похоже, не рвался в драку.

– Мы... э-э... заблудились. Может, маленько поваляли дурака. В таком духе.

– Я ценю это. – Стайк почувствовал себя немного увереннее, но оставался настороже. – Однако вы нас все-таки догнали.

– Услышали, что ты двинул в эту сторону. Такое сложно проигнорировать.

– И вот вы здесь.

– И вот мы здесь, – эхом отозвалась Ибана.

Последовало долгое, задумчивое молчание. Стайк оглянулся на свой потрепанный отряд, затем посмотрел на лица уланов Ибаны. Он заметил много старых знакомых, товарищей и даже друзей. На самом деле, присмотревшись внимательнее, он понял, что знает большинство.

– Ты ведь не сама подбирала людей в отряд?

– Может, и сама, – ухмыльнулась Ибана.

– В Редстоуне началась революция. Мы направляемся туда. Мне пригодились бы еще люди и новый заместитель. Блая убили.

Ибана хмыкнула.

– Очень жаль. Еще один хороший человек.

– Прежде чем все это закончится, в землю ляжет еще много хороших людей.

Ибана склонила голову набок, затем в последний раз повернулась в седле, окинув взглядом свой отряд.

– Майор Стайк, сэр, думаю, нам понадобится больше лодок.

– Приступайте к поискам, – приказал Стайк, расплываясь в улыбке. – И кликни своего самого быстрого всадника с запасной лошадей. Хочу оповестить Линдет, что мы приведем подмогу.

Ибана развернула лошадь.

– Вы его слышали! – проревела она. – Нам нужно больше лодок! Ферлиша, найди запасную лошадь и тащи свою задницу сюда!

Она подтолкнула своего скакуна к Стайку, и вскоре они бок о бок наблюдали, как свежая рота уланов спешила, чтобы помочь с погрузкой, и небольшие группы направились вверх и вниз по течению в поисках лодок.

Два отряда слились в один почти мгновенно, и присутствие Ибаны казалось таким же естественным, как и седло под ним.

– Ты придумал название отряду? – спросила она.

– Ничего путного в голову не приходит.

У Стайка словно гора свалилась с плеч. Ибана отличный офицер, и она набрала превосходный отряд уланов. Если бы Стайку пришлось сражаться с ними, пришлось бы туго – даже будь он полностью здоров.

– Слышал, как тебя прозвали в Лэндфолле? – спросила она.

– Не знал, что у меня вообще есть прозвище.

– О, о тебе судачит весь проклятый город, дружище. Когда я уезжала, уже ходили слухи, что какой-то великан расшиб голову избранному Сирода, а голову самого Сирода так и вовсе оторвал.

– Я не отрывал ему голову. Просто развернул в другую сторону.

– Тебя называют Бешеным Беном Стайком.

Стайк не удержался от смеха из-за двойного смысла.

– Настолько безумный или свирепый?

– И то, и другое.

– Мне нравится.

Он помолчал, разглядывая уланов, сообща работающих у реки.

– Бешеный Бен Стайк, – пробормотал он. – «Бешеные уланы» Бешеного Бена Стайка. Как тебе?

– Я поручу кому-нибудь смастерить знамя.